

Сергей Арьков

Стражи Ирия

16+

Сергей Александрович Арьков

Стражи Ирия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51777883

SelfPub; 2020

Аннотация

Кому конец света, а кому и карьерный рост. Добившись высокой должности и всеобщего уважения, Цент жил себе, и горя не знал, чужими руками строя светлое будущее на руинах погибшей цивилизации. Но темные силы не дремлют. Древняя тьма решила пробудиться, и разрушить княжескую карьеру бывшего сутенера. Одного лишь она не учла – у Цента есть топор.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	76
Глава 4	109
Глава 5	140
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Глава 1

– Слушай, а как можно вступить в поисковую группу? Это вообще трудно сделать? Там какой-то экзамен сдают, или что-то еще?

Семнадцатилетний паренек, худой, как щепка, с изукрашенным шрамами лицом, вновь оторвался от работы, чтобы озвучить новую порцию своих бесконечных вопросов. Он стащил с головы кепку, и провел ладонью по наголо обритой голове, стирая с лысины капли трудового пота. В Цитадели всех вновь прибывших стригли под Котовского, поскольку все они, как один, оказывались богаты вшами, и тотальное удаление волосяного покрова было вынужденной мерой.

Этого паренька поисковая группа подобрала в диких землях и доставила в крепость две недели назад. Наткнулись на него случайно, когда шарили по очередному городку в ходе дальнего рейда. Дальние рейды теперь стали нормой, все, что находилось близко к крепости, давно обыскали и обобрали. За трофеями приходилось ездить все дальше и дальше, подвергая мародерству новые территории.

Паренька обнаружили в одной из квартир двухэтажного дома. Тот валялся на пыльном диване в грязной одежде и обуви, укрытый старым одеялом, и готовился со дня на день отдать богу душу по целому ряду медицинских показателей. Поскольку после конца света со здравоохранением в родной

стране стало совсем плохо, отброс копыт мог легко произойти даже по таким пустяковым причинам, как банальная простуда. Но юноше крупно повезло. Поисковая группа привезла его истощенное и болящее тело в Цитадель, где были и врачи, и лекарства. Найденышу оказали помощь, слегка откормили, и предложили остаться. Тот, разумеется, согласился. Да и был ли выбор? Сам он рассказал, что прежде входил в состав большой группы из пяти человек, что позволяло более-менее успешно выживать, но потом их компания, потеряв осторожность, влезла куда-то, куда влезать не стоило, в результате чего он остался один. А в мире зомби-апокалипсиса один, значит совсем один. Чтобы в одиночку выживать в новом мире, нужно быть очень крутым, злым, сильным, здоровым и везучим парнем. Найденыш подобными качествами не обладал. Ну, разве что везучестью. Ведь именно благодаря ей его и обнаружили случайным образом. Не произойди этого, он бы так и окошел в чужой квартире на пыльном диване.

На самом деле, история паренька была довольно типичной. Чаще всего новых людей поисковики находили именно так – случайно, и в скверном состоянии. За минувшие полтора года лишь трижды люди приходили в крепость сами, и лишь раз это была группа, состоящая более чем из одного человека. Радиостанция Цитадели работала круглые сутки, передавая сообщения и прослушивая эфир, но за это время на ее зов никто так и не откликнулся.

– Поисковики крутые, – сказал паренек, опершись на ло-

пату. – У них пушки, тачки. Их девчонки любят. Я тоже хочу быть таким. А ты?

Свой вопрос он адресовал невысокому худощавому мужчине с немного детскими чертами усыпанного прыщиками лица. Лицо это имело одно удивительное свойство – с него никогда не сходило выражение какой-то вселенской грусти. Судя по лицу, человек этот был глубоко несчастен, и, вероятно, пережил в прошлом немало трагических эпизодов. Это было неудивительно по нынешним временам. Конец света отнял что-то у всех уцелевших. Но даже среди них никто не ходил с таким скорбным лицом. Люди как-то смирялись с потерями, свыкались с ними и жили дальше. Но, вероятно, в данном конкретном случае трагедия была столь грандиозной, что страдалец не сумел ни забыть, ни переварить ее.

– Слушай, а то, что рассказывают о вашем князе, это правда? – снова спросил найденыш.

Собеседник, а если точнее, то слушатель, ибо в разговор он упорно вступать не желал, при упоминании князя вздрогнул и затравленно огляделся по сторонам, будто опасаясь внезапного появления чего-то грозного и страшного.

– Мне про него такого рассказали, что даже не верится, – признался паренек. – Говорят, он настолько крут, что круче просто не бывает. Будто бы он побеждал могущественных демонов, таких ужасных, что кровь в жилах стынет. Еще сказали, что у него есть волшебное оружие, которым можно убить любого зомби с одного удара. Вот это человек! Такой

точно сам не пропадет, и другим не даст. Великий герой! Как же нам всем с ним повезло!

Слушатель, что продолжал в это время вскапывать землю штыковой лопатой, вновь содрогнулся и, кажется, что-то процедил сквозь зубы.

Они трудились в поле, занимаясь вскопкой. Цитадель маячила вдалеке неприступной бетонной громадой, с высокими стенами и башнями. От постройки полуторагодовой давности не осталось и следа. Железнодорожные контейнеры уступили место бетонным блокам и кирпичу. На строительство ушел целый год, и это был чертовски тяжелый год, но оно того стоило. Внутри, за неприступными стенами, раскинулся настоящий город с настоящими жилыми домами. Кое-что еще достраивалось, доделывалось, до сих пор не был закончен защитный ров, но в целом Цитадель уже приобрела свой законченный вид. Вероятно, точно так же выглядели города в эпоху средневековья, разве что на их стенах не были установлены станковые пулеметы, а дозорные не обзоредали окрестности через мощные бинокли.

Вокруг Цитадели простерлись бескрайние возделанные поля и две животноводческие фермы, расположенные на некотором отдалении от города. Все поля по периметру были обнесены забором из сетчатой проволоки, имелось восемь дозорных башен, с которых круглые сутки велось наблюдение. И если вдруг какой-нибудь одинокий мертвец набредал на возрождающуюся человеческую цивилизацию, в Ци-

тадель тут же поступал сигнал, оттуда приезжала оперативная группа и ликвидировала нарушителя спокойствия путем кремации одного из огнемета.

К слову сказать, подобные инциденты случались все реже. Мертвецов в округе почти не осталось, а зомби из дальних краев не являлись в гости, поскольку не были склонны к дальним путешествиям. За минувший месяц ни один мертвец не пришлепал к сетчатой ограде, но, тем не менее, никто и не думал снимать часовых с дозорных башен. Все в крепости знали – мертвецов на свете очень много, и тот факт, что они до сих пор не сильно беспокоили живых людей, ни о чем не говорит. Могут и побеспокоить в любой момент. И лучше пресечь это дело на подступах, чем позволить тухлой братии дойти до самых стен, а то и покусать кого-нибудь внутри огороженного периметра.

Как и всех новеньких, найденыша, после выздоровления и откорма, отправили на сельскохозяйственные работы. В этом году прихватили еще один участок, и теперь его предстояло перекопать до посевной. Этим им и предстояло заниматься. Ему, и его напарнику, человеку с хронически печальным лицом и глазами, в коих застыло выражение вселенской грусти. Звали напарника Владиком.

Новенький изо всех сил пытался разговорить Владика, вызнать у него больше о Цитадели и ее обитателях, но напарник ему попался удивительно молчаливый. На все вопросы тот либо отмалчивался, либо отвечал односложно и невпо-

пад. Найденыш начал догадываться, что Владик в прошлом пережил какое-то невыносимое горе, настолько колоссальное и неподъемное, что он до сих пор не мог забыть о нем. Поэтому, позадавав еще вопросов, и не получив на них ни одного вразумительного ответа, он оставил Владика в покое и весь отдался работе. И Владик был бесконечно благодарен ему за это, хоть вслух ничего и не сказал.

Найденыш угадал верно. Его напарник действительно пережил великое горе. Это горе называлось концом света. И если для всех остальных уцелевших людей после зомби-апокалипсиса просто началась новая жизнь, то для Владика закончилось все. Все хорошее, светлое и радостное. В одно мгновение его прежняя жизнь закончилась, а на смену ей пришло существование, наполненное болью и ужасом. Не осталось даже тени надежды на лучшее. Лучшему просто неоткуда было взяться.

Полтора года в Цитадели пролетели как один день. Один трудный, бесконечно долгий, наполненный пахотой, день. После победы над некромантом Легионом случилось много всевозможных событий. На месте старой крепости выросла новая, теперь уже точно настоящая крепость, жизнь обитателей Цитадели заметно улучшилась, что выразилось и в более комфортных условиях проживания, и в обильном регулярном питании. Теперь уже никто не ютился в старых железнодорожных контейнерах, никто не кормился супом из бульонных кубиков, никто не мерз зимой. Той пищи, что да-

вали поля и фермы, хватало всем, плюс поисковые группы продолжали совершать регулярные выезды за трофеями, и редко когда возвращались с пустыми руками. О возросшем благополучии Цитадели говорил хотя бы тот факт, что в крепости функционировало уже три питейных заведения, баня, кинотеатр, библиотека и стриптиз-бар. Стриптизерша, правда, была всего одна, зато профессионалка, блиставшая талантом еще до конца света. Но посетить данное заведение удавалось далеко не всем. Стриптиз-бар являлся элитным местом отдыха, куда хаживали представители власти, бойцы из личной гвардии князя, да поисковики. А вот простых крестьян к нему и близко не подпускали, предлагая, вместо этого, сходить в библиотеку.

Вообще же социальное и имущественное расслоение в Цитадели шло полным ходом, и уже сформировалось некое подобие классовой системы. Впрочем, толковый человек с ясной головой и руками из нужного места мог без труда сделать неплохую карьеру. Как правило, в число крестьян попадали люди недалекие и пассивные, ну или просто слишком трусливые, чтобы пополнить экипажи поисковых групп. И вот с этими-то новоявленными простолюдинами, чем дальше, тем больше не церемонились, и уже откровенно, не стесняясь, слали их в библиотеку по любому поводу. Но даже самый последний крестьянин жил гораздо лучше, сытнее и безопаснее, чем мог бы жить вне пределов Цитадели. Все это прекрасно понимали, а потому никто не возмущался ца-

рящими в крепости порядками, по крайней мере, вслух и при посторонних. Ворчали, конечно, у себя на кухнях, в узком семейном кругу, чем не столько выражали недовольство, сколько поддерживали исконную народную традицию.

Да, человеческая цивилизация, почти погибшая в ходе зомби-апокалипсиса, успешно возрождалась. Был издан свод законов, и эти законы даже соблюдались. Совершать преступления стало чревато, поскольку за большинство правонарушений полагалось суровое и не всегда справедливое наказание. Новая власть, в лице князя, сочла тюремное заключение изжившей себя исправительной мерой. Вместо этого преступников подвергали воспитательной порке и отправляли на принудительные работы. А те были столь тяжелы и интенсивны, и люди столь часто возвращались с них с подорванным здоровьем, а то и вовсе инвалидами, что нарушать закон было попросту страшно. За тяжкие преступления, вроде убийства, полагалась смертная казнь, притом настолько жуткая и мучительная, ввергающая в такой немислимый ужас одним своим описанием, что за полтора года никто в Цитадели не погиб насильственной смертью. Точно так же не было зафиксировано ни одного случая изнасилования, ибо за данную шалость полагалась весьма незаманчивая кара – кастрация пудовой кувалдой. Все правонарушения сводились либо к мелкому воровству, либо к дракам, но и они не процветали. Люди знали – что бы они ни совершили, это не удастся скрыть. Слишком малочисленное население, все

друг у друга на виду, все всех знают. А это значит, что кара за совершенный проступок неминуема. И едва ли эта кара будет легкой.

Пожалуй, установленный в Цитадели порядок, был тем единственным, что радовало Владика. Но этим порядком, в первую очередь, наслаждались те, кто его установил. Например, любой княжеский гвардеец мог легко ударить его, простого крестьянина, обругать и обобрать – и ничего ему за это не будет. А уж князь вообще мог делать все, что ему пожелается, не оглядываясь ни на какие законы. Поэтому закон, конечно, был, но, как и в прежние времена, не для всех.

И все же, невзирая на средневековые законы и классовое неравенство, на ненормированный рабочий день и дефицит, на меновую торговлю и далекую от справедливости систему распределения, люди, в целом, были довольны. После ада, пережитого ими в ходе зомби-апокалипсиса, новый порядок воспринимался как дар божий. Уже за одну только безопасность, которая обеспечивалась им в Цитадели, они готовы были закрыть глаза на многое. Люди, не являющиеся ни солдатами, ни поисковиками, успели забыть, как выглядят зомби. Они, разумеется, знали, что где-то там, за пределами стен, за огороженными полями, за дозорными башнями, простерается бесконечно огромный мир, полный ужасных монстров. Но этот мир был далек от них, он никак их не беспокоил, ничем им не угрожал. О том, что опасность все еще существует, напоминали лишь изредка случающиеся-

ся инциденты с поисковыми группами. Месяца не прошло, чтобы кого-нибудь из поисковиков не загрызли, но и это случилось где-то там, далеко, вне пределов Цитадели. А жителям крепости нечего было бояться. У них появились новые заботы, связанные с благоустройством быта, с обретением тех или иных предметов роскоши, с улучшением рациона, с карьерным ростом.

Владик глядел на этих людей, и не верил глазам своим. Всего два года назад разразился конец света. Старый мир сгинул навеки, миллиарды людей расстались с жизнями, либо превратившись в зомби, либо пав их жертвами. Всего два года прошло с той ужасной катастрофы. И вот уцелевшие люди озабочены тем, как бы достать через поисковиков мебель для дома, или партию хорошего алкоголя для намечающегося торжества, и как бы пристроиться на хлебную должность. Будто не было никакого Армагеддона. Будто мир не стал одним огромным кладбищем, притом кладбищем отнюдь не спокойным.

Но еще больше человеческая беспечность потрясала Владика на фоне того знания, которым он тяготился, не имея возможности поделиться им с кем-либо. Лишь единицы знали правду, касательно природы зомби-апокалипсиса, и он был одним из тех осведомленных. Зомби, это не беда. Это даже не четверть беды, от силы десятая ее часть. Куда большую опасность представляли те, кто стоял за всем этим концом света – древние темные боги. Владик видел их своими

глазами, и они были ужасны. Сначала Кощей, потом неизвестное божество, едва не пробужденное некромантом Легионом. Владик седалищным нервом чуял, что есть и другие. Да, полтора минувших года прошли тихо и мирно, людей никто не беспокоил, но стоит ли впадать в наивность и переполняться уверенностью, что так будет и впредь? Достаточно лишь одному из древних богов явиться в этот мир, и для возрождающейся цивилизации все будет кончено. Кощей удалось побороть лишь потому, что он был ослаблен после воскрешения. Второму божеству даже ожить не дали. Но есть ли хотя бы малейший шанс в борьбе с возродившимся и набравшим силу богом? Владиду ответ на этот вопрос был более чем очевиден. Чтобы сражаться с богом, нужно самому быть богом. Смертным людям это дело не по силам.

И потому Владик не мог понять, как все эти люди могут спокойно пить, есть, спать и заниматься своими ничтожными делами, когда в любой миг сюда может явиться всемогущий монстр и уничтожить их всех одним ударом? Ну, ладно, большинство обитателей Цитадели ничего не знают о древних богах, но ведь есть и те, кому известна страшная правда. Но и они живут себе, и в ус не дуют. Будто так и надо. Неужели они настолько глупы, что надеются защититься от бога бетонными стенами и крупнокалиберными пулеметами?

Владиду казалось невероятным, что он один терзается страхом перед чудовищами из прошлого, а остальные как будто забыли о них, и живут в свое удовольствие. Вот, к при-

меру, безответная любовь всей его жизни Машка и ее теперь уже законный муж Андрей. Разве они волнуются из-за каких-то древних богов? Да они о них и не вспоминают. Успели уже ребеночка родить, и второго активно планируют. Живут в двухэтажных хоробах, Андрей – первый помощник князя, его правая рука, а потому данная семейка ни в чем не нуждается и всем обеспечена.

Или вот бывшие коллеги Владика, программисты Петя и Вова. Кем они были полтора года назад? Золотарями. Фекалии из выгребных ям вычерпывали. А сейчас эти двое входят в личную княжескую гвардию. За прошедшее время они сильно изменились. Пока Владик горбатился в поле, Петя и Вова качали мышцы и набивали кулаки. Теперь на этих берсеркеров страшно смотреть – здоровые, наглые, идут по улице, прохожие от них по сторонам шарахаются. Все знают, что это княжеские любимцы, и все им сходит с рук. К тому же – герои. Участники эпического похода в логово тьмы, победители некроманта.

Аналогичным образом не тяготилась существованием древних богов и Алиса. Она-таки встретила своего принца, точнее – князя, жила в тереме, ходила в мехах да золоте, кушала с серебряной посуды и не абы что кушала. В поисковые рейды она, как и Андрей, давно уже не ездила, занимаясь более подходящими для княгини делами. А какие могут быть дела у представителя правящего класса? Ну, проснуться к обеду, позавтракать, сходить в гости к Машке, потрепаться

с ней, понянчиться с ее сыном, а там уже и ужин, а там и в койку пора. График, в общем, тяжелейший, не каждый выдержит.

Ну, и да, и сам князь. Вершину пищевой цепи в возрождающейся цивилизации оседлал своими крепкими ягодицами единственный возможный на эту роль кандидат. Активный участник первичного накопления капитала, терзатель жадных коммерсантов, сокрушитель гаишников, мучитель программистов и победитель древних богов – Цент Первый Мудро-добро-великий.

Он долго шел к этому, мечтал об этом, и вот, добился своего. Княжеская карьера сложилась удачно, Цент правил единолично, авторитет его был огромен. Если кто-то из подданных и был чем-то недоволен, то только не верховным лидером. Вождь был непогрешим. За минувшие полтора года о Центе и его подвигах успели насочинять столько легенд, мифов, баек и прочих выдумок, что ныне он выступал уже не просто как вождь человечества, но как фигура божественная, эпическая. Среди молодежи в Цитадели процветал настоящий культ Цента. Все дети точно знали, на кого они хотят быть похожими. С него брали пример. На него ровнялись. Когда он являл себя народным массам, тех охватывало благоговение. Люди рыдали от счастья, лицезря этого исполинского вершителя. В его честь называли младенцев. Его боготворили.

Возвышение Цента было, пожалуй, вторым, после поряд-

ка, положительным для Владика моментом. В былые времена, когда они странствовали по мертвому миру в одной компании, Владик натерпелся от Цента таких великих мук и лютых горестей, что хватило бы на десятерых страстотерпцев. В силу каких-то необъяснимых причин, изверг из девяностых питал к программисту из нулевых паталогическую неприязнь, каковая выливалась в непрерывные издевательства. О, сколь же много изведаль несчастный страдалец на шкуре своей! Там было все: невыносимые диеты, унижительные шутки, насильственные принуждения к действиям героического характера. Этот ад продолжался полгода, и Владика казалось, что ему не будет конца. Даже заняв власть в Цитадели, Цент поначалу проявлял большой интерес к мучению Владика, лично контролировал его на работах, заставлял трудиться без отдыха и до полного изнеможения. Страдалец уже уверился, что тут-то ему и конец. Цент не сумел свести его в могилу луковой диетой, зато решил доконать путем трудового истязания. Но постепенно князь утратил интерес к своему мальчику для битья, а потом и вовсе забыл о его существовании.

Цент обитал в своей резиденции, в огромном тереме со всеми удобствами, Владик, навечно записанный в число крестьян, ютился в самой бедной части города, в крошечной каморке, где не было иной мебели, кроме грубо сколоченной самодельной лежанки да старого стола. Зимой в жилище программиста было холодно, летом жарко, плюс соседи

день и ночь выясняли отношения, орали, дрались или совокуплялись, так что тишина не наступала никогда. Впрочем, это Владiku не сильно мешало. Рано утром он уходил на работы в поля, а когда возвращался, то засыпал еще в прыжке, и разбудить его не могли никакие звуки.

С одной стороны, Владик был рад, что все, включая Цента, забыли о нем. Но иногда ему становилось дико обидно из-за этого. Ведь все, кто участвовал в том легендарном походе на скотомогильник, ныне обрели славу и почет, жили в достатке и являлись уважаемыми людьми. И только он прозябал в нищете и безвестности. А ведь и он был в числе тех героев. Более того, именно его рука сразила некроманта волшебной секирой. Но кто знал об этом? Никто. А те, кто знали, давно уже забыли и о нем, и о его подвиге.

Годовщину победы над Легионом отметили пышными торжествами. Гуляли три дня, как на хорошей свадьбе. Всем замешанным в той славной победе вручили памятные подарки, подобранные с учетом специфики каждого героя. Центу презентовали именную бейсбольную битку, изготовленную из плоти мореного дуба, с золотой гравировкой и кожаным чехлом для хранения и транспортировки. Машке и Алисе преподнесли шубы, берсеркерам Пете и Вове даровали игровые ноутбуки. Всех их чествовали, поздравляли, подняли за них тысячу тостов. И лишь один герой оказался забыт. Владiku даже не досталось подарка. Никто и не вспомнил, что он тоже был в составе героического отряда, тоже внес свой

вклад в дело победы над силами тьмы. Пока вся Цитадель гуляла и веселилась, обойденный дарами и почестями страдалец горько плакал, запершись в своей каморке. Тогда он все понял. То есть, многое он понял и прежде, но именно в тот день пришло окончательное осознание – его вычеркнули из анналов истории, предали забвению, списали, стерли. Но все было еще хуже. На нем, к тому же, поставили крест. Как-то так вышло, что его негласно записали в пожизненные крестьяне без права карьерного роста. Новички, только что поступившие в Цитадель, какое-то время работали с ним в полях, а потом находили себе более престижное и сытное место. Иной найденыш умудрялся оказаться в поисковом отряде менее чем за месяц. Другие находили себе работу в городе, пристраивались к какому-либо ремеслу, шли в торговлю или избирали военную стезю. Для все вокруг были открыты пути карьерного роста. Для всех, кроме Владика.

Притом, нельзя сказать, что он не пытался. Пробовал, как же! И не раз. Но в ходе всех своих попыток он словно упирался в какую-то невидимую, но вполне осязаемую стену, и на этом все заканчивалось. Никто не хотел брать его подмастерьем, поисковики, к которым он пошел от отчаяния, отказали с порога, а когда страдалец сунулся к своим бывшим коллегам, Пете и Вове, заматеревшие берсеркеры подняли его на смех и кубарем спустили с лестницы. Умываясь слезами горючими, Владик вернулся к сельскохозяйственной деятельности. Но и там не суждено было ему сделать блестя-

щую карьеру. За полтора года он так и не вырос в должности, оставаясь обычным землекопом. Пытался пристроиться на ферму, там работа не была легче, зато кормили куда лучше, но его не взяли. Начали требовать каких-то рекомендаций, непонятно кем и когда данных, стали выяснять образование. Когда узнали, что перед ними бывший программист, вежливо отказали, и предложили прийти через год. Или через два. А еще лучше – вообще больше не приходить.

Владик понял – его участь предрешена. До конца своих дней он будет горбатиться в поле, перекапывая землю тупой лопатой, и там же, в поле, однажды помрет. Но никто не всплакнет над его телом, никто не закатит в его честь пышных поминок. Его бранные останки заруют в безымянной могиле, и ни одна живая душа не станет горевать о нем. Если о живом не горюют, кому он мертвый-то сдался?

Мотаясь по дорогам вместе с Центом и Машкой, подвергаясь опасностям со стороны зомби и озверевших людей, Владик мечтал найти такое место, где тишина и покой, порядок и стабильность. И горькая ирония заключалась в том, что он сполна получил то, чего так страстно желал. В самом деле, он находился в безопасности – ни зомби, ни лихие люди ему не угрожали. Была ли его жизнь стабильна? Еще как! Каждый его день был похож на предыдущий как точная копия, и никаких предпосылок к переменам не наблюдалось. Более того, никто уже не терзал его голодомором и разными зверскими диетами, питался он пусть и невкусно, но досы-

та. И вот, казалось бы, все мечты сбылись. Но вместо бурной радости Владика все сильнее охватывало стойкое нежелание жить. Стабильность, которую он так желал, оказалась тем еще отстоем, безопасность не радовала, и даже сытная кормежка не могла сделать его счастливым.

Все чаще, работая в поле, Владик ненадолго прерывал свой тяжкий труд, и с неясной тоской смотрел сквозь сетчатую ограду во внешний мир. Там, за забором и тремя рядами колючей проволоки, простиралось то, чего он всегда страшился – свобода. И вот странность, чем дальше, тем больше эта свобода манила его к себе. Прежде Владик дико боялся оказаться снаружи, предоставленный самому себе, один, беспомощный и слабый. Он был уверен, что не сможет протянуть на воле и дня. Но продолжительное житие в условиях стабильности заставило его пересмотреть свое мнение. Да, он, по сути, оставался все таким же беспомощным, но уже далеко не хилым. Пусть он и не накачал себе огромных мышц, как те же Петя с Вовой, зато развил удивительную выносливость, чему немало способствовал тяжелый монотонный труд. Теперь он мог целый день тупо копать землю, и при этом под вечер не падал с ног от усталости. Владик понимал, что он стал сильнее, чем был прежде. Теперь его не напугать ни многокилометровым туризмом, ни физическим трудом.

Вот только развитие его имело однобокий характер. Выносливее он, конечно, стал, это было просто неизбежно по-

сле полутра лет ударной пахоты, но прочих, необходимых для выживания, навыков, не приобрел. Никто и не думал учить его стрелять, драться, никто не объяснял, как справиться со своим страхом при столкновении с мертвецами. Да что там стрельба или рукопашный бой! Владик даже костер разжечь не умел.

И все же, при осознании своей неподготовленности к выживанию в диком мире зомби-апокалипсиса, Владика, с каждым днем, влекло туда сильнее и сильнее. Жизнь землекопа опостылела ему. Не о такой стабильности он мечтал. Ему, страшно сказать, хотелось перемен. И Владик прекрасно понимал, что в Цитадели он их не добьется. Если он хочет иной жизни, нужно уходить. Туда, за ограду. В пугающую и опасную неизвестность.

Но одно дело, это мечтать о побеге, и совсем другое – осуществить его. Мечтаниями о вольных хлебах Владик тешил себя уже месяца три. Планы, там, разные строил, фантазировал, как оно будет. Прикидывал, каким способом лучше всего покинуть Цитадель. Но все это оставалось на уровне мечтаний. При том, что выбраться за пределы периметра не составило бы проблем – Владик знал, как это проверить. Он мог бы, при желании, сделать себе небольшой запас провизии на первое время, даже оружие сумел бы достать, ибо в нем недостатка не ощущалось. То есть, ничто не мешало ему осуществить задуманный дерзновенный побег. Ничто не мешало, но Владик никуда не убежал, и бежать не собирался.

Ненавидел себя за собственную трусость, но ничего не мог с этим поделать. В грезах вольная жизнь представляла заманчивой и легкой, но Владик-то знал, что она не будет таковой в реальности. Там, снаружи, ему придется несладко. И где гарантия, что после десяти-пятнадцати дней на свободе, он не приползет в Цитадель, дабы униженно проситься обратно?

– А ты никогда не пробовал поступить в поисковики? – вновь заговорил напарник. – Мне вот интересно, какой у них вступительный экзамен. Что нужно сделать, чтобы попасть в команду?

Владик поморщился, и постарался отключить слух. Он не сомневался, что этот найденыш недолго будет составлять ему компанию в поле. Глядишь, через месяц, а то и раньше, прибьется к поисковой группе, или устроится в городе. И начнет смотреть на Владика свысока.

И вновь с неодолимой силой страдальца повлекла к себе воля. И столь велика была эта сила, что Владик вдруг решился, приказав самому себе – сегодня же в побег. Ничего не подготовлено, нет ни запаса еды, ни оружия, но это все отговорки. Сегодня или никогда. Лучше умереть там, чем весь остаток жизни перекапывать поля здесь. В Цитадели его ничего не держит. У него здесь нет друзей, нет девушки. Он один.

– К черту все! – неслышно процедил Владик сквозь зубы. – Сегодня же! Не могу так больше.

– Смотри, что это там? – привлек его внимание найденыш.

Владик обернулся и посмотрел в том направлении. В их сторону по полю скакали два всадника на лошадях. Владик даже с такого расстояния прекрасно их узнал. То были берсеркеры, Петя и Вова. Эти двое недолюбливали бывшего коллегу, и постоянно шпыняли его. Видя их приближение, Владик приготовился принимать муки.

Всадники налетели на них, едва не затоптав конями. Найденыш со щенячьим восторгом в глазах взирал на двух могучих богатырей, Владик взирал на бывших коллег исподлобья и восторга не испытывал.

– Здорово, холопы! – поприветствовал тружеников Петя, а Вова радостно хохотнул.

– Здравствуйте! – поздоровался новенький, не переставая улыбаться во все лицо. Вид у него был как у фаната, воочию узревшего своего кумира.

– Эй, холоп Владик, а ты что, уши навозом забил? – спросил Вова. – Почему на приветствие не отвечаешь?

Владик стоял столбом, и изо всех сил старался не заплакать. Он так до сих пор и не смог понять, за что его невзлюбили коллеги-программисты. Неужели это Цент сделал из них таких безжалостных садистов? Этот мог. По странному стечению обстоятельств почти все люди, вступающие в контакт с бывшим рэкетиром, либо умирали быстро и в муках, либо превращались в эталонных извергов.

– Что вам нужно? – проворчал Владик.

– Нам от тебя, крота прыщавого, ничего не нужно, – грубо ответил ему Петя. – А вот князю ты зачем-то понадобился. Потребовал доставить тебя срочно в терем. Так что бросай лопату, и бегом в Цитадель. А мы тебя подгонять будем, чтобы ты ногами проворнее шевелил.

Прозвучавшие слова повергли Владика в священный ужас. Цент уже год не проявлял к нему никакого интереса, и, казалось, вообще забыл о его существовании. Владик тихонько радовался, лелея робкую надежду на то, что мучитель отныне никогда больше не вспомнит о нем. И вдруг он вызывает его к себе. Что это может значить? Неужели его обвиняют в каком-то преступлении? Но Владик точно помнил, что ничего противозаконного не совершал. Разве что оговорили....

– Эй, морда холопская, ты что, не слышал приказа? – рассердился Вова, и сорвал с пояса скрученную колесом плеть. – А ну пошел!

Плеть гульнула по спине Владика, и хотя берсеркер ударил в четверть силы, мало все равно не показалось. Подывая от боли и страха, Владик побежал в сторону крепости. Бывшие коллеги скакали позади него, подбадривая угрозами основательной порки.

В Цитадель Владик влетел как на крыльях. Он бежал весь в слезах, слыша за спиной стук копыт и грозные окрики. Люди спешно расступались перед ним, давая дорогу. Многие, видя данную картину, открыто хохотали, другие сдержанно

улыбались. Однако смешно было всем. Гонимый берсеркером страдалец не заметил сочувствия ни на одном лице. Что лишь укрепило его в желании бежать из Цитадели этой же ночью. И он обязательно сделает это, если, конечно, сумеет пережить аудиенцию у Цента.

Петя и Вова задорно гнали страдальца до самого крыльца княжеского терема. Когда обессиленный Владик упал на ступени, в надежде отдышаться и прийти в себя, эстафету приняли стражники, что неусыпно несли караул у резиденции правителя. Один из них, без лишних слов, прописал Владика с ноги в бок. Второй замахнулся дубиной, и строго спросил, с какой целью потерявший страх холоп имеет дерзость пачкать своим простонародным туловищем только что вымытые ступени.

– Его князь желал видеть, – крикнул Вова, пытаясь унять гарцующую лошадь. – Ведите к нему.

– Князь желал? – переспросил стражник, и повторно двинул Владика с ноги. – А какого же хрена ты молчишь? Живо вставай, прыщавый! Заставишь князя ждать, он велит с тебя шкуру спустить. И мы спустим, не сомневайся. Медленно!

Владик и не сомневался. Странно, что заранее не покалечили. Наверное, оставили это удовольствие для Цента.

Княжеский терем являл собой огромный дом трех этажей, с толстыми стенами, узкими бойницами вместо окон, и был, фактически, крепостью внутри крепости. Снаружи он выглядел простовато, что с лихвой компенсировалось внутренним

убранством. Здесь все пестрило прямо-таки варварской роскошью, чему не следовало удивляться, зная хозяина жилплощади. Цент любил все красивое, яркое, блестящее и дорогое, одним словом – крутое. И этой крутости в свою нору он натащил немало.

Контраст между бедностью собственной обители и роскошью княжеских апартаментов потряс Владика. Прежде ему не доводилось бывать в тереме – в гости как-то не приглашали. Он знал, что высокие чины Цитадели живут весьма небедно, и многое себе позволяют, но Цент в этом деле явно превзошел всех. Все самое красивое, самое дорогое, что привозили поисковики, оседало здесь. Огромные ворсистые ковры, мебель из ценных пород древесины, чучела диких животных, рыцарские доспехи – всего этого было не просто много, а слишком много. Владелец данной жилплощади не просто купался в роскоши, он как занырнул в нее, так до сих пор не показывался на поверхности.

И вот, наконец, Владик увидел своего старого знакомого. Цент со времен их совместных странствий мало изменился, разве что борода и волосы его были теперь аккуратно подстрижены, а облачен он был в ярко-красный банный халат, из-под которого торчали крепкие волосатые ноги. На княжеской должности бывший рэкетир не потерял формы. Судя по всему, он уделял много времени физическим упражнениям, отчего его шея стала еще толще, а взгляд наглее.

Князь изволил возлежать на мягком диване, весь отдав-

шись думам о судьбах подданных. Перед ним, на столике, разместились легкие закуски и пара бутылок вина. Цент лениво протягивал руку, брал виноградину или ломтик яблока, и нехотя, почти через силу, помещал витамины в свой рот. Столь же ленивым жестом он подносил к губам бокал с вином, и скупо откусивал напиток. Он как бы говорил всем своим видом – да не нужны мне эти витамины и деликатесы, и вкушаю я их единственно ради блага народного, о коем и пекусь денно и ночью, не щадя живота своего.

Рядом с диваном, прислоненная к нему рукояткой, стояла мистическая секира духов – древнее оружие, добытое в гробнице темной богини. Волшебный топор обладал бесценным, по нынешним временам, свойством, убивая наповал любое порождение тьмы, будь то рядовой зомби или могущественный демон, вроде ныне окончательно покойного некроманта. Цент, судя по всему, не расставался с секирой ни днем, ни ночью, всюду таская топор с собой.

– Ваше величество, вот, доставили холопа, которого вы желали видеть, – доложил стражник, сильно толкая Владика в спину. Тот, не устояв на ногах, шлепнулся на колени. Это, похоже, и требовалось сделать.

Цент медленно, преодолевая лень, перевел взгляд с виноградной грозди на Владика, и сонным голосом безгранично утомленного важными делами человека произнес:

– Сколько раз я вам уже говорил – прекратите обзывать людей холопами. Холоп, это унижительное прозвище. В ци-

визированном обществе оно недопустимо. Называйте их, ну, даже не знаю... лохами, например.

– Слушаюсь! – выпалил стражник, и тут же повторил свой доклад с учетом полученных от начальства поправок. – Вот, доставили лоха, которого вы желали видеть.

– Ну, кого вы там привели? – проявил вялое любопытство князь. – Неужели глаза меня не обманывают, и я вижу перед собой своего старого друга Владика? Что ты на коленях ползаешь? Не пачкай мне ковры собой. Встань. Подойди. Поздоровайся. Давненько ведь не виделись.

Владик не без опаски поднялся на ноги и робкими шажками приблизился к княжескому лежбищу. Вид стола, заваленного дефицитными яствами, заставил его слюнные железы работать в форсированном режиме. Многие из продуктов, что лежали перед ним, Владик не пробовал с самого конца света. И подозревал, что не попробует больше никогда.

– Ну, здравствуй, Владик, – поприветствовал его Цент. – Все-таки выкроил время меня навестить. Мог бы раньше заглянуть, не чужие же люди. А ты ни разу в гости не зашел, даже письма не написал, что мелочь, но мне была бы приятна. Нехорошо это, Владик. Не по-дружески. Очень ты меня расстроил своим игнорированием. Не будь я таким добрым, обиделся бы на тебя.

Владик стоял, едва живой от страха, и про себя гадал, что приготовил для него изверг. На что-то хорошее рассчитывать не приходилось, ибо Цент не имел привычки делать ко-

му-либо приятные сюрпризы. Он больше специализировался по гадостям.

– Тебе налить? – спросил князь, взяв со стола бутылку.

Владик отрицательно мотнул головой. По опыту он знал, что ни в коем случае нельзя принимать от изверга никаких даров. Тот от чистого сердца ничего не предложит, ибо великий скупердяй и жадина эпическая, а если что и даст, то всегда с каким-то черным умыслом, и за это неизменно придется дорого расплачиваться.

– Ну, оно и правильно, – согласился Цент, наполняя свой бокал. – Алкоголь, он ведь не полезен. А сырку? Вот колбаска. Фрукты. Ты не стесняйся, будь как дома. Как у меня дома. В смысле – меру знай. Чревоугодие, оно ведь смертный грех, знаешь ли.

– Спасибо, я не голоден, – с трудом выговорил Владик. Отказ дался тяжело, уж слишком вкусно выглядели кушанья на столе. Но Владик не поддался на провокацию. Он чувял, что Цент нарочно искушает его деликатесами, имея на уме какое-то злодейство.

– И еще лучше, – кивнул князь. – Ну, ты как сам? Чем по жизни занимаешься?

– В поле работаю, – ответил Владик.

– В поле? Ну, дело, скажем честно, почетное. Простой крестьянский труд, он и тело, и душу облагораживает. А что ты конкретно в поле делаешь?

– Перекапываю землю.

– Что ж, одобряю твой выбор рода деятельности. Иные стремятся к карьерному росту, желают хлебных должностей, непыльной работенки, только и думают о том, как бы трудиться меньше, а иметь с того больше. Но ты, Владик, ты не из их числа. Ты избрал достойный и честный путь, путь пахаря. Признаться, я тебе даже завидую. Целый день в поле, на свежем воздухе. То ли дело я. Сижу в четырех стенах, руковожу, решения принимаю. А ведь это стресс, Владик, это нервы. Ведь что ни день, так обязательно какая-нибудь ботва приключается. И все мне разруливать. Вот, хотя бы, эта история с поварами... Я тебе о ней не рассказывал?

– Нет, – ответил Владик, который год не виделся с Центом, и очень надеялся, что не увидит его уже никогда.

– Вообрази, что было, – с жаром заговорил князь, залпом опорожнив бокал. – Был у меня прежде повар, хороший, умелый. Был, да помер. Срок его подошел. Что тут скажешь? Невосполнимая утрата! Ну, взял на его место молодого. И говорю ему – запеки-ка мне, голубчик, юного кабанчика на углях. Захотелось, знаешь ли, кабанчика печеного отведать. Вот тебя подобные желания не посещают?

О печеных кабанчиках Владиду приходилось лишь мечтать. Его рацион был куда скромнее, и состоял в основном из овощей. Дважды в месяц выдавали банку тушенки, раз в месяц банку консервированной рыбы. Раз в неделю одаривали вареным яичком. Вот и все. Остальная кормежка – картошка, морковка, капуста и прочие сельскохозяйственные куль-

туры, в число которых печеные кабанчики не входили.

– Нет, не посещают, – честно признался Владик. То была правда. О печеных кабанчиках Владик старался даже не думать, дабы лишний раз себя не расстраивать.

– А мне вот захотелось так, что хоть на стену лезь, – вздохнул Цент. – Ну, я все понимаю, кабанчик, он, как бы это сказать, роскошь, что ли. Но все же может себе князь хотя бы раз в месяц кабанчика-то позволить? Вот ты скажи – может?

– Может, – согласился Владик, признавая право Цента на печеного кабанчика.

– Вот и я аналогичным образом считаю. И, значит, приказал молодому повару кабанчика того приготовить. Ну, и что ты думаешь?

Владик ничего не думал. Точнее, думал о том, уйдет ли он с аудиенции на своих ногах, или же его отсюда вынесут в трех пакетах.

– Так он его, падла, приготовил, что тот с одного боку горелый, а с другого сырой. Есть невозможно. Я за грудки этого умельца сгреб, и кричу – что же ты сделал, фашист проклятый? Тебя же, как человека, попросили. А он глазами хлопает, и явно своей вины не осознает. Ну, ты меня знаешь, я человек добросердечный. Решил дать ему второй шанс. Как он очухался после порки, приказал ему блинов испечь. Ну, захотелось блинов с вареньем. Понимаю, что не масленица, но хочется, и все тут. Говорю ему – сготовь блины, да смотри, с душой это дело сделай. И что ты думаешь? Таких он

мне блинов наделал, что их и собака бы жрать не стала. Тут уж я не сдержался, бросил эти блины в камин, следом за ними повара этого криворукого туда же пристроил, а сам три дня успокоиться не мог. Как взбесил, кулинар бездарный!

И Цент покачал головой, явно все еще переживая из-за данного инцидента.

– Вот она, доля княжеская, – грустно проронил он. – Блинов захочешь, и с теми обломают. Сейчас нового повара взял, пока справляется. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы. Сегодня на ужин плов, он его первый раз готовить будет. Ой, беспокойно сердце мое, не на месте оно. Тревожно мне, тревожно. Что там за плов выйдет?

И Цент, придавленный грузом непосильных проблем, надолго присосался к горлышку винной бутылки.

В этот момент в помещение вошли Алиса, Машка и Андрей. Алиса почти не изменилась за это время, только сменила армейский камуфляж на роскошные одежды, а оружие на украшения. А вот Машка заметно поправилась, но она все еще оставалась прекрасной и желанной. Владик, глянув на нее, тоскливо вздохнул.

– Нет, вы полюбуйтесь! – сердито воскликнула Алиса, увидев Цента на диване. – Время за полдень, а он даже штаны не надел. Слышишь, твое величество, я к тебе обращаюсь? Сколько уже выжрать успел? Бутылку? Две?

– Да я чуть пригубил только, за компанию, – с какой-то не свойственной ему робостью, оправдался Цент. – Вот, ко мне

тут друг старый заглянул. Мы немножко выпили, за встречу.

– Да я по роже твоей красной все вижу, можешь не врать, – отмахнулась от его отговорок Алиса, после чего обратила внимание на гостя. – Владик! Это ты?

– Я, – робко улыбнулся тот.

– Вот так сюрприз! Где ты пропадал?

Алиса подошла к нему и нежно обняла. Следом за ней Владика потискали Машка и Андрей. Все были очень рады видеть его.

– Мы тебя уже год как потеряли, – сказал Андрей, пожимая руку старому знакомому. – Чем ты занимался?

– Да я карьеру строил, – ответил Владик, не желая вдаваться в подробности.

– Где?

– В поле.

– В поле? – удивилась Машка. – Все это время? Кто тебя туда назначил?

– Да я не знаю. Оно само как-то сложилось.

– Ну, мог бы прийти к нам, мы бы тебя пристроили в хорошее место, – заметил Андрей. – Ты же нам не чужой человек.

– Фактически родня! – подал голос Цент со своего дивана. Но Алиса метнула на князя строгий взгляд, и тот благо-разумно притих.

– Ну, этот вопрос мы решим, – заявила она. – Сегодня же тебе что-нибудь подберем. А поле без тебя обойдется. Эй,

величество, а ведь я тебя о Владике как-то спрашивала. И ты мне сказал, что он пристроен, на хорошей должности, что у него все отлично.

– Я этого не помню, – заявил Цент.

– Живо штаны надень. Позор какой-то – правитель, и среди бела дня в халате ходит. Помнишь, я тебе уже говорила, что тебе по статусу положено хорошо одеваться и опрятно выглядеть, иначе люди уважать перестанут. И прекрати уже грать лежа, ты же не животное.

Цент сердито засопел, однако вновь повел себя нетипично. Не набросился на Алису с криком и кулаками, не начал доказывать, что он в этом доме хозяин, мужик и авторитет. Вместо этого он стал оправдываться.

– Я ведь тут не просто так валяюсь, я занимаюсь делами особой важности, – сообщил князь. – Штаны не надел, потому что некогда. Весь в хлопотах.

– Какими еще делами? – презрительно фыркнула Алиса. – Да ты вообще ничего не делаешь. Все на других переложил, а сам ешь да спишь. На прошлой неделе командиры поисковых групп приходили совещаться, ты даже не вышел к ним. Меня послал. А сам в это время чем занимался?

– Чем? – спросил Цент, талантливо сделав вид, что его подвела память.

– С котенком игрался!

– Ну, подумаешь, поигрался с котенком. Не велика трагедия.

– Ну не весь же день напролет! Ты бы с ним до сих пор игрался, если бы не отняли.

– Да что за наезды? – заворчал Цент. – Что там умного эти командиры групп сказали? Что ездить за трофеями приходится все дальше и дальше? Я и без них это знаю. Что из-за этого возрастает расход топлива, которого и так немного осталось? И это не новость. Все я знаю. К тому же котенок так смешно прыгал за ниткой, вы бы видели....

Поймав на себе осуждающий взгляд Алисы, Цент кашлянул, и произнес серьезным тоном:

– Ладно, ладно, с котенком был перебор, согласен. Но сейчас я действительно занимаюсь важным делом. Это касается сигнала.

– А что сигнал? – удивилась Алиса. – Мы же решили – надо отправить кого-то, чтобы он все выяснил. Тут нужен человек смелый, решительный, умеющий постоять за себя, способный действовать в нестандартных ситуациях. Путь дальний, и легким он не будет. У меня есть парочка кандидатов, вот и Андрей предложил одного из поисковиков. Говорит, мужик бывалый, справится. Так что осталось только выбрать, кого именно послать, и не тянуть с этим. Завтра, с утра, пусть и выдвигается.

– Незачем выбирать, – сказал Цент. – Я уже нашел того героя, на которого можно смело возложить данную рискованную миссию. Вот он, стоит перед вами. Имя ему – Владик. Ну, и кто после этого хочет сказать, что я ничего не делаю?

Да такую блестящую идею родить не каждому в жизни дано.

– Какая миссия? – небеспричинно встревожится Владик, чуя прямой кишкой, что вот он подвох и подъехал. – Что происходит?

– Сейчас я тебе все объясню, мой друг! – заверил его Цент, нехотя поднимая себя с дивана. – Ты ведь знаешь, что мы постоянно прослушиваем радиоэфир, но до сих пор не получали никаких сообщений. Так оно и было до вчерашнего дня.

– Что случилось вчера? – спросил Владик, всем нутром чуя, что старый друг Цент пытается втянуть его в какое-то скверное дело.

– Вчера мы приняли сигнал, – ответил ему Андрей. – Оди-ночный призыв о помощи. И координаты.

– Больше сигнал не повторялся, – сказала Алиса. – Вполне возможно, что пославшие его люди уже мертвы. Или же нет. Мы не знаем. Пытались связаться с ними, но не получили ответа. И все же, это первый сигнал за два года. Такое нельзя игнорировать.

– Мы хотели послать по координатам большую группу, – сказал Андрей, – но потом подумали, что это может оказаться засадой. И решили, что лучше будет отправить одного, хорошо подготовленного и умелого человека, чтобы он все разведal, не поднимая лишнего шума. Если там действительно люди в беде, он сообщит нам, и мы пришлем помощь. А если засада.... Ну, мы тоже примем меры, но игра пойдет уже по

нашим правилам.

– И вот тут-то в дело включился я, и придумал, кого отправить на разведку, – вмешался в разговор Цент. – Ну, согласитесь, идея прекрасная.

– Идея ужасная, – проворчала Алиса. – О Владике не может быть и речи. Он для этой операции совершенно не подходит.

– Я тоже так думаю, – поддержал ее Андрей. – Здесь нужен человек с солидным поисковым опытом. Пошлем Семёна. Он все сделает.

– Да подождите вы! – возмутился Цент. – Даже договорить не дали. Я ведь не просто так Владика посылаю. Знаю – дело опасное. Но подумайте, какой это шанс для нашего программиста проявить себя. Он ведь вернется с этого задания героем. Все станут уважать его, поисковики наперебой будут звать в свои группы. Девчонки за ним толпами бегать будут. Ну, ладно, не толпами, с толпой я погорячился. Двeтри будут. В крайнем случае – хоть одна-то найдется, которая не побрезгует. К тому же в эту теорию заговора, насчет засады, я не верю. Какая еще засада, о чем вы? Наверняка там какие-то балбесы сидят в окружении мертвецов, и выбраться не могут. Рация разрядилась, успели только одно сообщение отправить. Владик все это с безопасного расстояния в бинокль рассмотрит, и нам доложит. Мы тогда помощь пришлем. В итоге и людей спасем, и Владик героем станет. Вы вот тут ему хлебную должность предлагаете, а я пред-

лагаю кое-что получше. После такого подвига его без всякого блага куда угодно возьмут, потому что уважать будут. Да что там, такого храбреца даже я к себе на работу приму. Птице-премьером. Будет ответственным за доставку курочек, уточек и индюшек к княжескому столу.

– Но это все равно рискованно, – заметила Машка.

– Да какой там риск? – отмахнулся Цент. – Дадим ему машину, оружие. Я же не предлагаю его в бой послать. Просто разведка. К тому же у Владика солидная землеройная подготовка. В случае опасности он в яму закопается.

– Это не смешно, – сухо заметила Алиса. – И план твой глуп. Никакого Владика мы не отправим. Пошлем профессионала.

– Я согласен! – вдруг выпалил Владик. Выпалил так внезапно и спонтанно, что испугал этим сам себя. Он, вообще-то, всегда сторонился опасных приключений, но в этот раз Владик со всей отчетливостью понял – это его последний шанс изменить свою судьбу. Или он согласится поехать на разведку, или всю оставшуюся жизнь проведет в поле с лопатой.

– Что? – хором удивились все, включая Цента.

– Я поеду на разведку, – повторил программист. – Я смогу.

Правда.

– Владик, подумай, это ведь опасно, – напомнил Андрей.

– Ничего, я справлюсь.

– Ты Цента не слушай, – посоветовала Алиса. – Он тебе

что угодно наговорит. Сам рвался ехать, насилу удержали.

– Я и сейчас рвусь, – подал голос князь.

– Мы это уже обсуждали. Ты правитель, и твоя работа – руководить. Не в рейды ездить, не с котятками играть, не вино хлестать галлонами. Руководить! Вот и займись своими прямыми обязанностями. А для начала надень уже, наконец, штаны. Сколько раз повторять?

– Ладно, ладно, – проворчал Цент. – Сейчас. Иду уже. Где они, штаны мои? Мне и их самому искать? Штаны искать самому, орехи колоть самому, бутылки откупоривать самому. Этак дойдет, что и спину самому себе чесать придется. А править-то когда?

– Владик, ты уверен, что хочешь этого? – спросил Андрей. – Если не хочешь – так и скажи. Никто тебя не заставит.

– Хочу! – решительно произнес Владик. – Я все сделаю, не волнуйтесь. Это ведь не бой, просто разведка. Дайте мне шанс. Пожалуйста.

– Ну, хорошо, – вздохнула Алиса. – В чем-то, пожалуй, Цент прав.

– Я это слышал! – ликующе прокричал князь из соседней комнаты.

– Только вот что – если вдруг поймешь, что там опасно, разворачивайся, и мчись обратно. Не рискуй собой. Понял?

– Обещаю, – заверил всех Владик, говоря при этом чистую правду. Уж на что-что, а на риск его точно не тянуло.

Глава 2

Отъезд был назначен на раннее утро. Владика, ночевавшего в княжеской резиденции, разбудили еще затемно, после чего усадили за стол и хорошенько накормили. Это была его вторая самая прекрасная трапеза за два минувших года. Первая состоялась прошлым вечером. Будущему разведчику оказали высочайшую честь, и пригласили за княжеский стол. И там он воочию сумел оценить масштаб имущественного расслоения, ощутить ту бездонную и бескрайнюю пропасть, что пролегла между ним, простым землекопом, и представителями правящего класса.

Количество той еды, что выставили на стол за ужином, Владик не получал даже за год, а уж о качестве и речи не шло. Пока простой люд получал свои калории из овощей и консервов, у хозяев жизни каждый прием пищи оборачивался неистовым пиршеством. Одних мясных блюд Владик насчитал штук восемь. А когда хозяйка Алиса поставила перед ним тарелку с целой запеченной курицей, огромной, румяной, фаршированной овощами и политой соусом, Владик глазам своим не поверил. Он со страхом покосился на Цента, прекрасно помня о том, как в прошлом этот субъект любил морить его голодом, не допуская к человеческой еде, но князь был с головой погружен в свой плов, и ни на что не обращал внимания.

Непривычно сытный и вкусный ужин сказался на сне – Владик почти всю ночь проворочался в кровати, перекатываясь с бока на бок. Правда, не только наполнившая его курятина, стала причиной бессонницы. В большей степени ее вызвали думы, которыми Владик не мог себя не изводить. Мысли сами лезли в голову, одна за другой, притом, зачастую, прямо противоположные. То Владик начинал фантазировать, как с блеском выполнит порученное ему задание, и триумфально возвратится в Цитадель героем. То вдруг его охватывал страх перед возможными опасностями, поджидающими его у источника сигнала, он решал плюнуть на разведывательную миссию, и просто умчаться на автомобиле прочь, куда глаза глядят, на поиски лучшей жизни.

И так он метался из крайности в крайность до тех пор, пока не пришел человек и не сообщил ему, что пора вставать.

За окнами еще плескалась ночная тьма, когда Владика усадили за стол и поставили перед ним огромную сковороду, полную яичницы с салом, а рядом положили краюху хлеба. Это был воистину райский завтрак, но Владика, уплетающему его, на ум пришла невеселая аналогия с последней трапезой смертника, которого тоже вкусно кормят перед тем, как прикончить. Он постарался изгнать из своей головы столь мрачные мысли, которым только дай волю – не успеешь опомниться, как уже по ноздри в паническом ужасе. В конце концов, ему же предстояло не броситься с одной гранатой на три танка, а всего лишь поехать и выяснить

источник радиосигнала. Вполне могло оказаться и так, что он не обнаружит на месте вообще никого, ни живых людей, ни зомби. Сигнал мог быть безобидной случайностью – какая-то старая аппаратура замкнула от сырости, и выдала его на прощание, перед тем, как отключиться навеки.

Или же он найдет на месте людей, нуждающихся в помощи. Тут с Владиком приключилось свойственное ему эротическое фантазирование, и программист породил мечтание о том, что среди спасенных им людей окажется красивая девушка, которая тут же влюбится в него без памяти, что выльется в долгожданное начало бурной половой жизни. Владик страстно мечтал, чтобы у него началась половая жизнь, и ради этой благородной цели готов был пойти на известный риск.

Так или иначе, но вариант с засадой или некой страшной опасностью, поджидающей его у источника сигнала, был маловероятен. Но он, тем не менее, был, что заставляло коленки Владика слегка подрагивать, а в животе то и дело зарождался неприятный холодок, грозящий в любой момент обернуться лютой стужей, сковывающей все кишки трусливым льдом.

Запив яичницу крепким сладким чаем, Владик, вслед за слугой, вышел во двор княжеского терема. Никто из старых знакомых не пришел проводить его в дорогу. Час был ранний, и все еще спали. Свои напутственные слова и пожелания удачи они сказали ему вчера.

Вот подъехал автомобиль – огромный внедорожник черного цвета, с металлическими решетками на окнах. Из него вылез княжеский гвардеец, и предложил Владике не мешкать.

– Припасы и оружие внутри, – сказал он. – Все на заднем сиденье. Там же радиостанция. Обращаться умеешь?

– Мне вчера объяснили, – ответил Владик.

– Хорошо. В багажнике топливо, на всякий случай. Курьешь?

– Нет.

– Ну, возьми тогда это.

И гвардеец протянул Владике упаковку мятной жвачки.

– Тебе все объяснили? – спросил гвардеец.

– Да.

– Повторю, на всякий случай. Путь дальний, за день доехать не пытайся. Быстро не гони. Во второй половине дня начинай искать место для ночевки. В поселки не лезь, от всяких строений, даже выглядящих заброшенными, держись подальше. Ночуй в открытой местности, далеко от дороги не отъезжай. Когда прибудешь на место, оставь машину и подберись ближе пешком. Биноколь в машине. Он мощный. Видит далеко. Все изучи, осмотри. Если что-то обнаружишь, сам туда не лезь. Вернись к машине и доложи по рации в Цитадель. Тебе скажут, что делать. Ну, все запомнил?

– Да, – кивнул головой Владик, которого вчера весь вечер инструктировали все, кому не лень.

– Тогда удачи. Езжай с богом.

Гвардеец пожал Владику руку, после чего программист сел в автомобиль и захлопнул за собой дверь. На таких больших машинах ему прежде ездить не доводилось, да и последние полтора года он за руль не садился. К счастью, навыки вождения за это время не утратились. Владик быстро вспомнил, что делать, и автомобиль медленно тронулся с места.

На воротах его задерживать не стали, охрана уже была предупреждена обо всем. Владик выехал из Цитадели, миновал ощетинившийся пулеметными стволами блокпост, вырулил на трассу, и, прибавив газу, медленно покатил вдоль бесконечно длинной сетчатой ограды, за которой простирались столь знакомые ему поля. Сколько раз он, горбачась на них, наблюдал за тем, как из Цитадели выезжали колонны поисковиков. У этих ребят жизнь была куда веселее, чем у простого землекопа. Опаснее, но веселее. У них каждый выезд в рейд был приключением, а он, простой крестьянин, оставался на месте, день за днем ковыряя землю осточертевшей лопатой. И чем дольше ковырял, тем больше завидовал поисковикам. Эти лихие ребята жили на полную катушку, рисковали, совершали отчаянные поступки, а он, в то же время, тупо и скучно существовал. Что ж, вот и на его улице настал праздник. Он получил отличный шанс проявить себя, и он его не упустит ни за что на свете. Владик готов был пойти на многое, даже на порядочный риск, лишь бы не возвращаться обратно в поле, к ненавистной лопате. Хватит с него сель-

ского хозяйства. Наелся уже им по горло и выше.

Рассвет едва забрезжил, заливая алым огнем восточный край неба, когда Владик пересек границу обитаемого мира. За спиной осталась безопасность, та самая, стабильная и упорядоченная, которую он прежде страстно желал, а затем успел основательно возненавидеть. Перед ним же простерлась пугающая и загадочная неизвестность.

За минувшие полтора года Владик ни разу не покидал пределов охраняемого периметра, и даже успел забыть, как выглядят зомби. То есть, он это, разумеется, прекрасно помнил, забыть подобное было невозможно, но из памяти стерлись все те яркие эмоции, которые он испытывал при встречах с живыми мертвецами.

Эти твари уже давно потеряли всякое сходство с людьми, превратившись в ужасных чудовищ. Владик слышал от поисковиков, что зомби становятся все опаснее, причем не все они одинаковые. Есть те, что остались почти прежними, а есть особо продвинутые мертвецы, способные преподнести массу неприятных сюрпризов. Иные обладают поразительной физической силой, другие приобрели способность двигаться стремительно. Был еще один вид зомби, развивший способности разума. Этих уникалов поисковики единодушно считали самыми опасными, поскольку такие особи были горазды устраивать весьма хитроумные засады, и действовали достаточно осознанно. Конечно, о разуме в прямом смысле слова речь не шла – мертвецы не умели ни говорить, ни

читать, ни гонять в компьютерные игры, то есть высшие проявления разумности были им чужды. Но подобные навыки зомби и не требовались. А вот в деле охоты на людей они, порой, достигали известной степени мастерства.

Владик вдруг обнаружил, что его ладони, лежащие на рулевом колесе, заметно подрагивают, а по лбу, одна за другой, сбегают капельки резко выступившего пота. Он постарался вернуть себе самообладание и не думать о всяких ужасах. Незачем накручивать себя. У него есть задание, и все, что требуется, просто выполнить его. Он внутри автомобиля с зарешеченными окнами, и никакие мертвецы его здесь не достанут. У него есть оружие, и он сумеет постоять за себя, если подвергнется нападению. Все, что нужно, это доехать до места, установить источник радиосигнала, доложить обо всем в Цитадель, и вернуться обратно героем. Владик очень желалось прослыть храбрецом, он хотел, чтобы его уважали и ценили, чтобы девушки проявили к нему интерес. Он был уверен, что после этого задания его жизнь изменится в лучшую сторону, поскольку в худшем направлении двигаться уже некуда. Все, что требуется, это четко следовать данным ему инструкциям и постараться не струсить.

Следующие два часа Владик неспешно катил по пустой трассе, и за это время не увидел ни одного мертвеца. Это, впрочем, было не удивительно – все здесь давно истоптали поисковые группы, вынужденные уезжать все дальше от Цитадели. Попадающихся им зомби они, по возможности, ути-

лизовали, используя для этого разные хитрые тактики. Самым простым и эффективным методом было заманивание мертвецов на звук. На столб вешался магнитофон, включалась громкая музыка, а земля под столбом минировалась. Вскоре на дискотеку сползались все окрестные мертвецы, после чего мины приводились в действие, а уцелевших монстров добивали из дробовиков и жгли огнеметами. Таким нехитрым образом поисковики умудрялись зачищать даже небольшие городки, после чего спокойно шарили в них, собирая все ценное и свозя в Цитадель. Конечно, от больших городов они держались подальше, там концентрация зомби была настолько велика, что на очищение ушли бы годы нелегкого и опасного труда. Да и стоила ли овчинка выделки? Что такого невероятно ценного было в мегаполисах, способного оправдать и колоссальный риск, и колоссальные трудозатраты, связанные с их очищением. Ровным счетом ничего. Города стали кладбищами, бетонными некрополями, кишущими чудовищами. Лучшее, что можно было сделать, это просто держаться от них подальше.

Через два часа Владик добрался до съезда, ведущего в деревню, о которой его предупреждал Андрей. Это была граница зоны поиска. Дальше пока еще никто не ездил. Там простиралась зловещая неизвестность. И там никто не устраивал чисток, поэтому все мертвецы в тех краях были целы и на своих местах.

Миновав съезд, Владик проехал еще примерно километр,

после чего остановил машину. Спешить было некуда, он и так опережал график. Глянув на заднее сиденье, Владик обнаружил там множество коробок и свертков, в которых, очевидно, находилась еда. Припасов, к слову, ему с собой наложили столько, будто он собирался в кругосветное путешествие.

Ранний завтрак в виде яичницы его организм, к этому времени, уже успешно усвоил, и Владик не видел причин не закинуться повторно. Он открыл дверь и выбрался из автомобиля, после чего остановился и прислушался. Его окружала почти забытая тишина. Со стороны лесополосы доносился едва слышный шелест листвы на ветру, но более ни один звук не нарушал покоя обезлюдевшего мира. Он не казался угрожающим, этот новый, пустой мир. Наоборот, от него исходило ощущение странного покоя. Но Владик не обманулся этим ложным ощущением. Не такой уж и безлюдный этот мир. Да, живых людей почти не осталось, а вот мертвых полно, только утрать бдительность, как набегут и обглодают до костей.

В одной из коробок на заднем сиденье Владик нашел всевозможные консервы. От их обилия и богатства ассортимента у него разбежались глаза. Взяв две банки тушенки и бутылку минеральной воды, Владик накрыл поляну на капоте и приступил к трапезе на свежем воздухе. При этом не забывал поглядывать по сторонам, но подобные меры предосторожности были явно излишними. Он находился в глухой мест-

ности, посреди трассы, вдали от населенных пунктов. Здесь мертвецам просто неоткуда было взяться, благо те не имели склонности к путешествиям, и обычно все время находились там, где умерли.

Владик не спеша вкушал консервы, полной грудью вдыхал весенний воздух, и самозабвенно мечтал о том, как с триумфом вернется в Цитадель. Он въедет в нее великим героем, и каждый ее обитатель тут же проникнется к нему безграничным уважением. Командиры поисковых групп прибегут звать его к себе на работу, берсеркеры Петя и Вова приползут на коленях, и будут униженно вымаливать прощение. Самые красивые девчонки Цитадели захотят дружить с ним. Он будет любим всеми. Его, наконец, оценят по достоинству. Возможно, он даже получит высокий государственный пост и будет награжден медалью за отвагу.

Когда эротическая фантазия дошла до награждения, Владик вдруг услышал где-то рядом какой-то негромкий звук. Тот прозвучал столь неожиданно, что у будущего медалиста тушенка пошла носом. Стараясь не поддаваться панике, Владик быстро обежал автомобиль по кругу, все осмотрел, но никого не обнаружил. Он находился на открытой местности, трава на обочине еще не успела взрасти в полную мощь после зимы. Подкрасться к нему незаметно было невозможно. И все же он что-то слышал, и ему это вовсе не показалось.

Владик подумал, что надо бы, на всякий случай, взять из салона дробовик, который он до сих пор так и не удосужился

зарядить патронами, как вдруг весь автомобиль заходил ходуном, будто живой. Владик в ужасе попятился от взбунтовавшейся техники, решительно не понимая, что происходит, но чувствуя, как липкие щупальца страха оплетают его не слишком храбрую душу. Дверь багажного отсека резко распахнулась, и наружу оттуда полезло что-то большое и живое. И что-то человекообразное.

В один миг Владик понял все: у него в багажнике все это время находился зомби! Кто его туда поместил? Цент? Или берсеркеры, позавидовавшие будущей славе своего коллеги? Это уже не имело значения.

Забыв и об оружии, и о задании, Владик развернулся и побежал по трассе в сторону Цитадели. Больше он не хотел ни славы, ни уважения, ни золотых медалей. Хотел он иного – скорее бы вернуться обратно, под защиту надежных стен, и никогда больше их не покидать.

И вдруг он услышал за своей спиной крик:

– Эй, прыщавый, ты куда намылился?

Не веря своим ушам, Владик обернулся, и увидел Цента. Тот стоял возле багажника, из которого только что вылез, и сладко потягивался, как человек, только что прервавший многочасовой сон.

– Это ты? – спросил Владик, все еще сомневаясь в том, что его глаза ему не лгут.

– Не узнал? – удивился Цент. – Выходит, богатым буду. Ну, я, в принципе, и так-то парень не бедный, но от допол-

нительных богатств не откажусь. Ну, подходи. Смелее. Чего ты там трешься? Да я это, я.

Владик осторожно приблизился к Центу, решительно не понимая, что происходит. Каким образом правитель Цитадели оказался в его багажнике? Сам залез, или его туда кто-то поместил?

– Ты, я вижу, завтракаешь, – сказал Цент, заметив консервные банки на капоте автомобиля. – Это дело правильное. Тащи-ка и на мою долю. Перекусим.

– Что ты здесь делаешь? – задал терзающий его вопрос Владик.

– Страдаю от отсутствия завтрака! – проворчал Цент. – Ну, мне долго ждать?

Пришлось Владiku временно отложить все вопросы и накрывать на стол. Привыкший трапезничать основательно и с размахом, Цент потребовал накрыть ему на капоте пиршественный стол. Таская консервы, завернутое в фольгу жареное мясо, вареные яички, банки с маринованными огурцами и обильное спиртное, Владик начал догадываться, кому предназначался даденный ему в дорогу колоссальный запас провизии. Судя по всему, Цент очутился в багажнике не случайно. Он сам все это спланировал, и свое помещение в автомобиль, и обеспечение себя провиантом.

Когда стол был накрыт, и Цент всецело отдался завтраку, Владик вновь задал ему тот же вопрос:

– Что ты тут делаешь?

– Ем.

– Нет, что ты тут делаешь вообще? Я же должен был ехать один.

Цент подцепил ножом огромный кусок жареной свинины, облизнулся, и отправил его в рот. Чтобы жевалось лучше, плеснул туда же полбутылки пива.

– На природе и естся иначе, – поделился ощущениями он, когда успешно прожевал и проглотил полкило мяса. – Не стой без дела, почисть для любимого князя яички.

Пока Владик очищал вареные яйца от скорлупы, Цент провел ряд гастрономических экспериментов во славу науки. Попробовал комбинировать разные кушанья. Ел мясо с рыбой, маринованные огурцы с салом, тушенку с пивом, жареное коровье вымя с луком. Все опыты показали блестящие результаты.

– Благодать! – высказался Цент, принимаясь за облупленные Владиком яйца. – Как же я по всему этому истосковался.

– По всему чему? – уточнил собеседник.

– Да вот по этому, – ответил Цент, разводя руки в стороны, словно пытаясь объять ими весь мир. – По воле. По воздуху свободы. В крепости узником себя чувствовал. Оно вроде и хорошо все, еды вдоволь, все удобства, достаток во всем. Но и это надоедает. Нужно, нужно было развеяться.

– Мог бы с поисковиками в рейд съездить, – подсказал Владик.

Цент закончил трапезу и приказал убирать остатки еды в

машину.

– Подкрепились, пора и в путь, – сказал Цент, нежно поглаживая раздувшийся живот.

– А куда мы поедем? – спросил Владик.

– Как это – куда? Все туда же. Искать источник сигнала.

– Но ведь это было мое задание, – вновь напомнил программист, которому показалось, что если он сделает все не один, но в компании Цента, изверг вновь украдет у него всю славу. И тогда не будет ни почета, ни уважения, ни девчонок, ни медалек.

– Владик, побойся бога! – потребовал Цент, сидящий на капоте и покуривающий сигарету. – Неужели ты вправду решил, что в силах выполнить столь сложное задание?

– Я бы смог, – заявил Владик.

– Перестань на себя наговаривать. Ты, может, хорошо научился рыть землю, но этого мало. Для подобной миссии требуется подходящий исполнитель – крутой, авторитетный, крепкий умом, не лишенный отваги и обладающий выдающимися физическими данными. Что из этого можно сказать о тебе? То-то же!

– Но ты же сам говорил, что я справлюсь, – обиженным тоном напомнил Владик.

– Я так говорил, потому что собирался ехать с тобой. А одного тебя я бы даже мусор вынести не послал. Ты же беспомощный, хилый и трусливый. Мир опасен, а ты мне, все-таки, человек не чужой. Мало ли что с тобой может произой-

ти в диких землях.

– Что, например? – вздрогнул Владик.

– Ну, вот, медведь, скажем, на тебя нападет.

– Какой медведь? – ужаснулся программист.

– Да вон тот, хотя бы, – ответил Цент, указав куда-то рукой.

Владик проследил взглядом за его жестом, и впрямь увидел медведя. Настоящего. Живого. Взрослого и довольно крупного. Зверь беззвучно появился из лесополосы, что тянулась параллельно трассе, и пристально уставился на стоящих у машины людей. Хищника и добычу разделяло довольно приличное расстояние, но Владиду, побившему все рекорды по скоростному потоотделению, оно показалось непросительно маленьким. К тому же он знал, что внешне неповоротливые и медлительные медведи на деле весьма проворны и демонстрируют неплохие скоростные показатели на коротких дистанциях. Видел однажды ролик в интернете, кошмарный ролик, не для слабонервных особ. Тот ролик раскрыл Владиду всю страшную правду о медведях. Во все не малинкой они питаются, и ни с какими Машеньками дружбы не водят. Это свирепые лютые звери, готовые отловить и съесть любое живое существо меньше себя, в том числе и человека.

Владик и сам не заметил, как оказался у распахнутой двери автомобиля. При этом он не отрывал взгляда от медведя, который хоть и находился далеко, внушал великий ужас.

Этой горе мышц и напрягаться особо не придется – один раз легонько двинет лапой, и пропал программист.

Цент медленно сполз с капота и, затаившись в последний раз, бросил сигарету на обочину.

– Гляди-ка, смелый какой, – сказал он, имея в виду медведя. – В прежние-то времена вся живность от одного вида человека в ужасе разбегалась. Знала, кто царь природы. А теперь, как люди повымерли, осмелели четвероногие, страх утратили. Этот вон ходит тут, и думает, что так и надо. Решил, похоже, что он тут самый главный.

– Поехали, а? – взмолился Владик.

– Сейчас поедem, – пообещал Цент, но, вместо того, чтобы сесть за руль, зачем-то обошел внедорожник и полез в багажник. Владика очень хотелось поместить себя в машину и закрыть дверь, но он понимал – внутри не отсидеться. Если медведь нападет, он легко доберется до засевшей в салоне еды.

– Сейчас напомним косолапому, кто на белом свете всех конкретней, – сообщил Цент, появляясь перед Владиком с гранатометом в руках. У программиста едва ноги не подломились, когда он увидел оружие, но куда больше его потряс безумный замысел изверга, который был яснее ясного. Дикий князь решил, ради забавы, поохотиться на крупную дичь.

– Зачем? – простонал Владик. – Не надо!

– Как это – не надо? – возмутился Цент. – Ты посмотри

на этого медведя. Внимательно посмотри. Что видишь?

– Медведя, – честно признался Владик.

– А вижу иное. Вижу я попутавшую все понятия скотину, что возомнила себя здесь хозяином. Но разве это мыслимо, когда ходят еще по земле высшие существа – люди, сотворенные по образу и подобию божьему, или, если вдруг ты придерживаешься атеистических взглядов, вознесшиеся на высшую ступень эволюции? Этот мохнатый, он просто опух. Я его, мало того, что презираю, меня коробит от одной только мысли, что это млекопитающее позволяет себе вот так просто выйти передо мной, и будто так оно и надо.

– Но ведь это просто животное, – попытался достучаться до Цента Владик. – Он ведь неразумный. Он этих твоих понятий не знает.

– Не знает – узнает! – грозно пообещал Цент, укладывая гранатомет на плечо. – Эх, давненько я мечтал отведать котлет из медвежатины. Ну, ничего, сегодня мы славно поужинаем.

Владик понял, что отговаривать Цента бесполезно, и просто отошел подальше. В конце концов, изверг всегда был скор на дикие выходки, а эта, конкретная, хотя бы сулила некоторый прибыток. Что уж греха таить – Владик и сам бы не отказался от порции свежего мяса. Медведя было немного жаль, никто не заслужил такой зверской смерти, но ведь и мясо не на деревьях растет. Его, в любом случае, с кого-то срезают. А чем медведь хуже коровы или свиньи? По край-

ней мере, отмороженный князь не пытался убить и съесть человека, чего от него тоже вполне можно было ожидать, так что медведь являлся не самой плохой добычей.

Цент целился долго, несколько раз переходил на другое место, слюнявил палец и выяснял направление и силу ветра. Владик маялся, желая, чтобы все это скорее закончилось. Медведь, словно по заказу, стоял на месте и неотрывно смотрел на людей.

Наконец, Цент дождался идеальных условий, и выстрелил. От громкого хлопка Владик присел на корточки, на том месте, где только что стоял медведь, грянул взрыв, поднимающий в воздух столб земли и поваливший небольшое дерево.

– Очкарик, тащи нож и пакеты! – радостно скомандовал Цент, бросая на асфальт дымящийся гранатомет. – Сейчас я поделюсь с тобой всеми тонкостями искусства свежевания.

Владик уже дернулся исполнить приказ, но в этот момент из клуба поднятой взрывом пыли вылетел вполне живой и зверски злой медведь. Судя по следам крови на шерсти, зверю несколько досталось, по коему случаю он был крайне недоволен и жаждал покарать обидчиков. А когда он распахнул пасть и издал жуткий рев, Владик настолько расхотел мяса, что едва не стал убежденным вегетарианцем.

– Валим! – орал Цент, распахивая дверь автомобиля. Владиду не требовалось повторять дважды, он уже был в салоне.

Двигатель завелся сразу, Цент тронулся, и в этот момент в тыл внедорожнику врезался взбешенный медведь. Удар

был такой силы, что автомобиль едва не развернуло на сто восемьдесят градусов. Со звоном разлетелось заднее стекло, внутрь полезла огромная когтистая лапа и перекошенная яростью медвежья морда. Владик визжал от ужаса, но сохранивший хладнокровие Цент спас положение – ударил по газам, выровнял автомобиль, и вот они уже неслись по трассе, оставив сердитого медведя далеко позади.

Нескоро Владик успокоился. Еще полчаса его колотило от пережитого ужаса, а вот Цент, как выяснилось, вовсе не считал произошедший инцидент чем-то кошмарным.

– Мы были близки к успеху, – весело сказал он, закури-
вая сигарету и откупоривая баночку пива. – Медведь оказал-
ся непрост, надо отдать ему должное. Что ж, отрицательный
опыт тоже опыт. Учтем ошибки, и в следующий раз посту-
пим иначе.

– Как? – прорыдал Владик, которого трясло от пальцев ног
до кончиков стоящих дыбом волос. – Не станем так делать,
да?

– Нет, возьмем два гранатомета.

Когда их и непростого медведя разделило приличное рас-
стояние, Цент остановил машину, дабы оценить нанесенные
ей повреждения. Те оказались не такими страшными, каки-
ми могли бы быть, окажись в распоряжении медведя боль-
ше времени. Следы от когтей на двери багажника выглядели
даже круто, но вот разбитое стекло вызывало беспокойство.
Днем-то ладно, тепло, но весенние ночи все еще были доста-

точно холодны.

– Надо чем-то дырку заделать, – рассудил Цент. – Не хочется из-за этой мелочи тачку бросать. Разве что попадется такая же, или круче.

– Если бы не трогали того медведя, то ничего бы этого не произошло, – заметил Владик, у которого даже спустя полчаса после инцидента зверски тряслись руки.

– Если ничего не делать, жизнь пройдет мимо, – наставительно поведал Цент. – Бытие человеческое кратко и конечно, нужно успеть взять от него все, а не прятаться по норам. Вот ты пытался когда-нибудь убить медведя из гранатомета?

– Нет.

– А доводилось ли тебе пытаться людей утюгом?

– Нет.

– А проводил ли ты ночь сразу с тремя бабами?

– Нет.

– Видишь, лучше пробовать, чем не пробовать. А тот медведь, пусть он не думает, что тема закрыта. Даст бог, еще свидимся с ним. Надо только найти подходящее оружие. Станковый пулемет, например. Или сразу приехать на разборку на танке. В любом случае, мы с ним еще поквитаемся.

– А что с окном делать? – спросил Владик, торопясь сменить тему. Он опасался, что Цент, раззадорившись, поедет мстить медведю прямо сейчас.

– Ну, что? Заклеим чем-нибудь.

– Чем?

– А вот ты об этом и подумай. Чем хочешь, тем дыру и заклеивай, но сроку тебе до вечера.

– Нужна какая-нибудь клеенка... – неуверенно пробормотал Владик.

– Найдем что-нибудь по дороге, – утешил его Цент. – Садись, поехали.

Владик не был рад внезапному появлению Цента до инцидента с медведем, а после одного огорчился этому еще сильнее. При склонности изверга к сумасбродствам и поиску приключений, шансы на выживание в ходе разведывательной операции таяли на глазах. Будь Владик один, он бы поехал прямо на место, но Цент ведь не таков, ему развлечений подавай. Засиделся, видите ли, в своем тереме, устал каждый день печеных кабанчиков да копченое сало трескать. Ну и вышел бы в поле, покопал бы часок-другой землю лопатой, глядишь, и развеялся бы. Вот Владик в Цитадели от скуки точно не страдал. Страдал он от безысходности, одиночества и отсутствия радужных перспектив.

– Вновь мы с тобой колесим по свету, как в старые добрые времена, – сказал Цент, с уст которого не сходила счастливая улыбка. – Признайся, ты этому рад?

– Рад, – послушно подтвердил Владик.

– Согласись, круто я все это придумал. Тебя типа на задание послал, а сам в багажнике спрятался. Ох, что там дома сейчас творится!

И Цент, присвистнув, покачал головой.

– Я все же не понимаю, зачем тебе понадобилось уезжать тайно, – признался Владик. – Ты ведь мог сделать это в любой момент.

– Да, в принципе, – как-то уклончиво ответил Цент. – Мог, конечно. В теории. Просто... Эх, Владик, да что объяснять-то? Ты, к счастью, этих проблем лишен. Живешь святой жизнью, не ведая секса. А эти бабы... Я, вот честно, положила руку на сердце, тебе даже завидую. Ты сам не понимаешь, сколь выгодно и прекрасно твое целомудренное существование. Лишенный радости плотских утех, не зная счастья совокуплений, чураясь жарких оргий и неистовых извращений, ты ведешь святую жизнь, полную воздержания и смирения. И это мудро, Владик. Поверь мне, секс того не стоит. Ведь у тебя, после Маринки, никого не было?

– Нет, – проворчал Владик, бесконечно благодарный Центу за то, что тот подробно и по пунктам перечислил все то, чего несчастный программист был лишен уже два года.

– Счастливчик! – взвыл изверг. – Как же я тебе завидую. Вот честно, иногда хочется поменяться с тобой местами. Я даже хотел пару раз. Seriously – хотел. Вот, думал, махнусь с Владиком на недельку ролями. Его сюда, в терем, в палаты белокаменные, к котлетам, винам и разврату, к мягким перинам, к сытой праздности. А я бы в это время пошел бы, в простой русской рубахе, в чистое поле, взял бы лопату, да потрудился бы на земле, как деда-прадеды. На свежем воздухе, вдали от суеты и голубцов, отринув сон до полудня и

печеночные рулеты. Какое это было бы счастье для меня.

– И что тебя удержало? – спросил Владик, который охотно подменил бы Цента на недельку на княжеской должности.

– Да вот удержало, – вздохнул Цент. – Сам-то я рвался, всей душой рвался, но вокруг ведь развелось командиров. Каждый считает допустимым мне, князю, наместнику божьему на земле, указывать нагло, что делать и как делать. Иной раз вот так сидишь, размышляешь о судьбах родины, куриную ножку обгладываешь, а тебе – не чавкай! О как! Не чавкай, и все тут. То есть, даже такой малости себе не могу позволить, как чавканье. Или вот ужинаешь после трудового дня, выпиваешь, чтобы нервы успокоить, а тебе со всех сторон – не налегай! Да где я налегаю-то? Где? Подумаешь, две бутылки вина усидел. Не спирта же чистого. А уже косятся как на хронического алкаголика.

И Цент, разнервничавшись, закурил сигарету.

– Что уж говорить, – вдохнул он, – тяжела княжеская доля. Не каждый этакий груз на своих плечах вывезет. До неприличия, иной раз, доходит. Сижу, как-то, шашлык кушаю. А ко мне тут подступают, и давай требовать разбираться с проблемой утилизации фекальных отходов. Да что за люди, а? Человек сидит, кушает, а они к нему с переполненными сортирами лезут. И, главное, проблемой это нарекают. Да разве не является это прямым доказательством возросшего благосостояния граждан? Раз за ними выгребные ямы очищать не успевают, следовательно, питаться люди стали значительно

лучше. А чья в том заслуга? Моя заслуга, естественно, ибо все хорошее, как известно, исходит от верховного правителя, а все плохое от того мужика, который мимо проходил и косо посмотрел. И вот добился я процветания, насытил народ свой, но даже после этого не дают спокойно шашлыком полакомиться. Ох, Владик, как же тебе повезло, что никогда ты не займешь никаких важных руководящих постов, но проведешь всю жизнь свою в поле, в трудах беззаботных.

– Но Алиса обещала подыскать мне какую-нибудь должность, – напомнил Владик.

– Она подыщет! – сквозь зубы процедил Цент. – Тоже мне, командирша. Да кем она себя вообще возомнила? Я князь! Я! Хочу – буду чавкать. Хочу – спать до обеда. И до ужина буду, и хрен мне кто слово поперек скажет. А еще это ее вечное – надень штаны, надень штаны. Я самодержец, моя воля – закон. Захочу, вообще всегда без штанов ходить буду. А захочу, так отменю штаны во всей Цитадели. Вот возьму, и мораторий на них наложу с горкой. А ты, Владик, не бойся, я ей тебя сгубить не дам. Высокие должности, они хуже каюты. Ты там и года не протянешь. Нет, не бывать этому. Ты мне друг, и я тебе удружу. Приложу все силы, употреблю всю власть свою, но оставлю тебя там, где ты есть – в поле. Ничего не бойся, я спасу тебя любой ценой. Можешь спать спокойно, не ворочаясь. Клянусь тебе, что до конца своих дней ты останешься простым землекопом.

Прозвучавшие слова собеседника ввергли Владика в уны-

ние. Только-только в его жизни наметился какой-то просвет, и вот опять возникла серьезная опасность вновь оказаться по самые уши в стабильности и безнадеге. Судя по всему, Цент всерьез вознамерился всю жизнь продержатъ его в землянках.

– Я бы мог, все-таки, попробовать что-нибудь другое, – робко подсказал Владик, которого уже тошнило от свежего воздуха и простого крестьянского труда.

– Это можно, – согласился Цент. – Одобряю твое стремление к разнообразию, сам этим грешу. Не люблю, к примеру, когда два дня подряд на ужин одно и то же подают. Если сегодня гуляш, то завтра, будьте любезны, приготовить мне иное кушанье, котлеток, там, или рыбу. Рутинa утомляет, это да. Ну, раз хочешь, то похлопочу о твоём трудоустройстве лично. Пристрою тебя на ответственную должность.

– Куда? – загорелся Владик, мечтая о тихом и хлебном месте, где ему не придется ничего делать, ни за что отвечать, а просто сидеть за столом и считать ворон за окошком.

– Да вот хотя бы на ферму скотником. Навык работы с лопатой у тебя уже есть. Прежде ты землю копал, а теперь будешь навоз из-под скотины отгрести. И переучиваться не придется, и разнообразие. Отлично я все придумал, да?

– Я, пожалуй, останусь на прежней должности, – поблeднeв, признался Владик.

– Ну, как знаешь. Но если надумаешь, то сразу обращайся. Я тебя мигом трудоустрою. Опомниться не успеешь.

Приунывший Владик отвернулся от Цента и уставился в окно. Его надежды на перемены к лучшему таяли на глазах. Вначале старый знакомый подбросил себя в его багажник, чем лишил его возможности с блеском выполнить порученное задание и вернуться в Цитадель героем, теперь и на сколь-либо светлом будущем поставил крест. Этого уже было немало, но Владик предчувствовал, что Цент на этом не остановится. Наверняка, он придумает еще немало способов огорчить несчастного программиста.

Часа через полтора после стычки с медведем, они добрались до автозаправочной станции. Поскольку вместо запаса горючего в багажнике ехал Цент, пришлось остановиться с целью залива топлива. Вся черновая работа легла на плечи Владика, Цент же, вооружившись волшебной секирой, которую он предусмотрительно прихватил с собой в дорогу, осмотрел заправку снаружи и внутри, но не обнаружил ни одного зомби. Без трофеев, однако, не остался – набрал два пакета орешков и сухариков. Хрустя ими, он прохаживался по территории заправки, пока Владик добывал бензин, осматривал окрестности, восхищался чистотой и свежестью здешнего воздуха. Затем что-то привлекло его внимание. Цент взял из машины бинокль, долго что-то разглядывал, после чего вытащил с заднего сиденья автомат.

– Что там? – встревожился Владик. Против мертвецов лучше всего работала волшебная секира, автомат мог понадобиться лишь для контакта с живым существом. Програм-

мисту еще памятна была недавняя встреча с медведем, и он очень надеялся, что они не натолкнутся на еще одного топыгина.

– Заливай бензин, – приказал ему Цент. – Я скоро.

После чего оправился куда-то с автоматом.

Минут через пять прозвучали выстрелы. Вскоре появился Цент с раскрасневшимся лицом, трещащим под натиском счастливой улыбки.

– Без свежего мяса все же не остались! – радостно сообщил он.

– Кого ты убил? – спросил Владик, очень надеясь, что не человека.

– Косулю. Знатная добыча. Поехали ближе, наберем мяса на ужин.

Разделка туши заняла много времени, хотя большую ее часть бросили на месте, забрав лишь несколько наиболее аппетитных кусков. В прежние времена Владiku было бы до слез жалко красивое животное, павшее жертвой плотоядного охотника, но сейчас он был рад тому, что его ждет мясная трапеза. К тому же, после гибели человечества, всякого зверья расплодилось довольно много, так что потеря одной косули точно не являлась для популяции невосполнимой.

– Черт, хороша же вольная жизнь! – поделился своим мнением Цент, когда они загрузили добытое мясо в автомобиль и тронулись в дальнейший путь. – Как же я скучал по всему этому. А ты?

– Да, я тоже, – ответил Владик. И хоть говорил он не вполне искреннее, но толика правды в его словах была. Даже в компании Цента кататься на машине было куда интереснее, чем горбатиться в поле с утра до вечера.

– Давно уже хотел развеяться, – признался князь всея Цитадели. – Слава богу, повод представился. А то порой начинал себя чувствовать так, будто снова оказался в гнусных временах стабильности и живу там вместе с Анфисой, заде-ри ее медведь.

Свою бывшую сожительницу, павшую жертвой зомби-апокалипсиса в первый же его день, Цент всегда вспоминал только недобрым словом. А уж времена порядка и стабильности вообще считал худшим периодом в истории человечества.

– Как думаешь, что мы обнаружим на месте сигнала? – спросил Владик.

– Об этом я не думаю, – признался Цент. – Хорошо бы не обнаружить там ничего.

– Ты не хочешь найти и спасти людей?

– Людей и в Цитадели хватает.

– Тогда зачем мы вообще едем туда?

– Лично я еду развеяться и отдохнуть от монарших забот, – ответил изверг. – А заодно проучить всяких шибко умных, кто себя невесть кем возомнил. Всех этих указчиков, советчиков. Вот пускай ощутят, каково оно, без Цента жить. О, я представляю, сколь много локтей будет покусано, сколь-

ко ведер слез прольется, когда обнаружится, что лидер нации, отец народа, вождь и кормилец бесследно исчез.

– Так ты это сделал назло Алисе? – догадался Владик.

– Не назло, а на пользу. Должна же она, наконец, понять, какое сокровище ей досталось. Говоря о сокровище, имею в виду себя. Да любая баба на белом свете была бы рада оказаться на ее месте. А эта все как должное принимает. Живет во дворце, все у нее есть, так ведь нет, мало ей. Как же можно Центу мозг не поклевать? И, веришь ли, чем дальше, тем хуже. Командует уже, как своим слугой, и не просит, а сразу приказывает. Я себя реально холопом крепостным временами чувствую.

– Почему же ты не поставил ее на место? – спросил Владик.

– Почему? Почему? Потому что. Не все так просто. Ты еще маленький, не понимаешь этих взрослых вещей. И вообще, садись-ка за руль, а я орешки с пивом погрызу.

Первого мертвеца они встретили только в полдень. Тот топтался прямо на дороге, рядом с кучей разбитых автомобилей, громоздящейся на обочине. Цент приказал Владiku сбавить скорость, а сам, высунувшись из окна по пояс, с радостным смехом метнул в зомби пивную бутылку. Попал прямо в голову. Сила удара оказалась такова, что мертвеца как ветром сдуло, и он, нелепо взмахнув конечностями, улетел с трассы в кювет.

Маршрут был проложен таким образом, чтобы избежать

любых населенных пунктов, из-за чего приходилось много петлять по объездам, тратя на это лишнее время. Но поскольку ни Цент, ни Владик, никуда особо не спешили, рисковать и мчаться напрямик они и не думали. Беглый князь наслаждался вольной жизнью, Владик радовался возможности отдохнуть от сельскохозяйственной рутины. Как ни странно, но в компании Цента он чувствовал себя в большей безопасности, чем в гордом одиночестве. Да, изверг из девяностых был склонен к странным и рискованным поступкам, но он же умел постоять и за себя, и за своего спутника. К тому же с ним была волшебная секира, оружие, против которого не устоит ни один мертвец.

Было еще светло, когда они съехали с трассы на грунтовку, подыскивая место для ночлега. То обнаружилось вскоре, в виде небольшой рощицы на берегу крошечного пруда. Оценив живописность данной локации, Цент приказал Владиду приступить к обустройству лагеря, а сам отправился празднично бродить по берегу водоема, наслаждаясь свежим воздухом и щебетанием птиц. Он успел обогнуть его по кругу неспешным шагом, пока программист собирал дрова и разводил костер, после чего сам лично приступил к жарке добытого охотой мяса.

К тому времени, когда на мир опустились сумерки, странники уже приступили к трапезе. Здесь, вдали от признаков цивилизации и орд мертвецов, мир вовсе не казался страшным и опасным. Сидя у костра и кушая свежее сочное мя-

со, Владик подумал о том, что не будь вокруг зомби и злых людей, он бы предпочел именно такую жизнь – жизнь странника, путешествующего туда, куда захочет. Это было гораздо интереснее, чем день за днем перекапывать землю. Но, к сожалению, реальный мир был достаточно суровым местом, а странствия по нему были сопряжены с многочисленными опасностями. Возможно, такой человек, как Цент, мог бы справиться с ними, но в себе Владик подобных сил не ощущал. Куда ему отбиться от мертвецов или бандитов, если те все же нападут на него? Пусть в Цитадели его ждет однообразный и тяжелый труд, но там он, хотя бы, имеет возможность жить. А здесь, на воле, как набросится из кустов какой-нибудь медведь, и все, песенка спета.

– Черт, благодать-то какая! – протянул Цент, через силу проталкивая в пищевод двенадцатый по счету кусок мяса. – Честное слово, начинаю подумывать о том, чтобы вообще не возвращаться. Так бы и колесил по свету, смотрел бы новые места, встречал интересных людей.

– Ты серьезно? – удивленно спросил Владик. Он знал, почему сам не хочет возвращаться в Цитадель – его там не ждало ровным счетом ничего хорошего. Но Цент-то, в отличие от него, бесправного землекопа, жил в крепости, как в раю.

– Да нет, конечно, – признался князь. – Это я так, замечтался. Отдохнуть, развеяться, это дело хорошее, но в меру. Дома все равно лучше. Прокатимся, наберемся впечатлений, и обратно. Я к шашлыкам да балыкам, ты к лопатам да граб-

лям. Еще не скучаешь по инвентарю?

– Я бы все-таки хотел попробовать себя в чем-нибудь другом, – набравшись смелости, вновь поднял болезную тему Владик.

– Ну, я же тебе уже предложил должность скотника.

– Нет, не в поле и на ферме. Что-нибудь другое.

– Например?

– Я даже не знаю. В Цитадели много вакансий, что-нибудь мне бы наверняка подошло.

– Ты хочешь именно в самой Цитадели? Ну, могу тебе посоветовать одну работу, но вот осилишь ли ты ее?

– Я буду стараться, – пообещал Владик. – А что это за работа?

– Рубщик дров. Оплата сдельная: куб древесины – сто грамм картофеля или иной еды по курсу.

Поскольку возрождающаяся цивилизация еще не успела выработать денежную систему, торговля осуществлялась путем натурального обмена. Картофель, как самый популярный и ходовой продукт питания, был чем-то вроде условной единицы, в которой измеряли все, от тушенки до гвоздей. Владик, горбачась в поле, получал килограмм картофеля в день, и при этом питался достаточно однообразно и невкусно. Если же он, по совету Цента, поступит на должность рубщика, ему придется накалывать по десять кубов дров в сутки. Владик знал, что это такое. Несколько раз в жизни ему приходилось рубить дрова. То был тяжелый и опасный

труд. Владик сомневался, что сумел бы наколоть десять кубов дров даже за месяц.

– А нельзя ли мне что-нибудь менее трудоемкое? – попросил он.

– Да тебе не угодишь! – возмутился Цент, ослабляя ремень на брюках, чтобы вошло еще больше мяса. – Предлагаю тебе ферму, тебе не нравится. Предлагаю должность рубщика дров – нос воротишь. Ты скажи сам, кем хочешь работать?

– Я не знаю, – беспомощно проронил Владик. Ну не мог же он прямым текстом заявить, что хочет трудиться там, где работы мало, а платят много.

– Ты и сам не знаешь, чего хочешь, – отмахнулся Цент. – О чем это говорит? О том, что тебя, на самом деле, все устраивает. Так что оставайся в поле, и не забивай себе голову всякой ерундой. И давай уже укладываться. Я сегодня не выспался – в багажнике тесно, неудобно. Надо набраться сил. Кто знает, что ждет нас завтра?

Спать легли в машине, в которой Владик залепил пробитое медведем стекло куском полиэтилена. Спальные места распределили по феодальному принципу – князь изволил почивать в салоне, превратив его в огромную кровать, а слуге выпало коротать ночь в багажнике.

– Там хорошо, – заверил его Цент. – Даже я поместился. А ты маленький, тебе будет удобно.

– А если ночью кто-нибудь подберется к машине и откроет багажник? – забеспокоился Владик.

– Не бойся. Я запру дверь.

– А что, если мне понадобится выйти?

– Ну, как-нибудь обойдешься. Возьми с собой баклажку, если что, в нее отольешь. А если по крупному приспичит, то уж ты, братец, терпи. Хоть ладошкой зажимай, но в моей тачке испражняться не вздумай. Иначе заставлю языком слизывать. Ну, или можешь ночевать снаружи. Тут, в принципе, не холодно.

Владик вспомнил ужасного медведя, сородич которого мог оказаться где-нибудь поблизости и посетить ночью их лагерь, и решительно полез в багажник.

Ночевка на природе оказалась сомнительным удовольствием. Всю ночь из салона автомобиля несли могучий храп Цента, и под эту дьявольскую музыку Владик не мог заснуть, как ни пытался. Стоило задремать, как изверг, будто нарочно, брал особо пронзительную ноту, или начинал ворочаться, от чего весь внедорожник ходил ходуном. До самого рассвета Владик принимал муки, а ближе к утру ситуация еще более усугубилась. Плотный ужин дал о себе знать весьма недвусмысленным образом. Владик крепился и мужался столько, сколько было возможно, но когда почувствовал, что катастрофа вот-вот грянет, пересилил свой страх перед Центом, и закричал во все горло. Кричать пришлось долго – сон у князя был императорский, каковой и из пушки не прервешь.

– Ну, что ты там шумишь? – ворчал Цент, отпирая багаж-

ник. – Рано еще, можно часика два покемарить.

Из багажника выскочил бледный Владик и, приплясывая, метнулся в ближайшие кусты.

Костер разжигать не стали, позавтракали холодным. Цент был недоволен, что его опять разбудили раньше полудня, Владик клевал носом, готовый заснуть на ходу. Он сто раз успел пожалеть, что не остался ночевать снаружи. Да, холодно, да, опасно, но тут хотя бы был шанс выспаться и набраться сил. Вместо этого он провел ночь в скрюченном состоянии, наслаждаясь храповыми ариями национального лидера.

– Поехали, – постановил Цент, добывая утреннюю бутылочку пива. – Далеко там еще до места?

– Километров двести, – ответил Владик.

– Добро. Садись за руль. Поведешь. А я еще подремлю. Плохо спал сегодня, на новом месте. Жестко, неудобно, бабы рядом нет. Отвык я от таких невыносимых условий проживания.

Владик не стал сообщать о том, как замечательно он провел эту ночь. Понимал – Центу это едва ли интересно. Теперь главным было не уснуть за рулем, и не въехать в дерево или столб. Чтобы взбодриться, Владик разорвал пакетик с кофе и ссыпал его содержимое себе в рот. Помогло. От вкусовых ощущений глаза взметнулись к челке.

– Трогай, Владик, – повелел князь, откидывая спинку кресла. – Как доедем, нежно разбуди. Да гляди, сильно не трясись. Помни, что не дрова везешь, но коронованную особу.

Глава 3

Растолкать Цента оказалось непросто. Тот откинулся на спинку кресла, и храпел беспробудным образом. Владик не уставал поражаться тому, сколь много сна вмещается в его спутника. Казалось, Цент мог спать, жрать и пить бесконечно долго. Впрочем, какие еще навыки он мог в совершенстве освоить на княжеской должности? Это ведь не он вставал в несусветную рань, и целый день горбатился в поле. Это не он получал за свой тяжкий труд скромную порцию невкусной еды. Отнюдь не он жил в крошечной комнатухе со сверхтонкими стенами, сквозь которые во всех подробностях была слышна личная жизнь соседей. Не для него редкий выходной был сродни празднику, а полноценный отпуск оставался несбыточной мечтой. Нет, все это было не про него.

– Ну, что еще? – заворчал Цент, нехотя приоткрывая опухшие от долгого сна глаза. – Завтрак уже? Обед? Что?

– Мы на месте, – доложился Владик, послунявленным пальчиком увлажняя свои красные бессонные очи.

– На каком еще месте?

Потирая глаза, Цент выглянул в окно, но не увидел там ничего интересного. Они стояли посреди трассы, по бокам от которой тянулись однообразные лесополосы.

– Очкарик, ты что, с пути сбился? – спросил князь, шаря рукой на заднем сиденье в поисках пива. – Куда ты нас завез?

– Я не сбился, – заверил его Владик, протягивая Центу карту. Тот отмахнулся от нее, откупорил бутылочку пенного зелья и надолго присосался к ней.

– Вот, мы сейчас здесь, – стал объяснять Владик, водя по карте пальцем. – Эту метку Андрей поставил. Сказал, что ехать нужно сюда. А вот, видишь, тут рядом отмечена деревня? Мы ее полчаса назад проехали. Так что мы точно там, где надо, никакой ошибки.

Утолив жажду, Цент выбрался из автомобиля и отлил на обочину.

– Ну, значит, твой Андрей что-то напутал, – сказал он, закуривая сигарету. – Сам же видишь – тут ничего нет.

– Алиса сказала, что, возможно, придется обыскать местность, – напомнил Владик.

– Опять эта Алиса! И здесь своими командами достала. Местность обыскивать.... Что тут обыскивать-то? Глухомань.

И Цент демонстративно огляделся окрест.

– Ладно, – сказал он, – разберемся. Давай-ка сначала перекусим. Грешно на пустой желудок делами заниматься.

Накрывать для князя поляну традиционно пришлось Владиду. Пока он таскал на капот банки, свертки и тарелки, предложил связаться по рации с Цитаделью и запросить дополнительных инструкций. Но Центу данная идея по душе не пришлась.

– Что у нас, своего ума нет? – рассердился он. – И у ко-

го ты там инструкций спрашивать собрался? С тобой самый умный и самый главный человек Цитадели, то есть я.

– Но мы же не знаем, что делать дальше, – напомнил Владик.

– Это ты не знаешь, – возразил Цент, приступая к обеду.

– А ты?

– А я все знаю. Вот сейчас подкрепимся, и поедем себе обратно.

– Как? – испугался Владик. – В смысле – обратно? В Цитадель?

– Да, в нее.

– Но как же наше задание?

– Во-первых, не наше, а твое. А во-вторых, задание выполнено в полном объеме. Что тебе было поручено сделать? Прибыть на место, осмотреться, выяснить источник сигнала. Так?

– Да, – признал Владик.

– Мы на место прибыли? Прибыли. Осмотрели его? Осмотрели. Источник выяснили? Нет тут никакого источника, и выяснять, соответственно, нечего. Следовательно, задание выполнено. Или ты считаешь иначе?

– Ну, может быть, все-таки, нужно осмотреться или проехать чуть дальше?

– Не вижу смысла, – ответил Цент. – Черт, подкрепились славно, но я привык к послеобеденному чаю с ватрушкой. Заварка, сахар и вода есть. Ватрушка, кажется, еще осталась.

Слушай, будь другом, метнись к посадке за дровами и сооруди костерок. Попьем горячего чайку, да двинем к дому.

Владик вовсе не считал, что они выполнили задание в полном объеме, или хотя бы частично, но спорить с Центом было бесполезно. Тот ясно дал понять, что не желает тратить время на поиски источника сигнала. Не для того он отправился в эту поездку. Оправился, чтобы отдохнуть от изматывающей княжеской рутины, состоящей из сна, еды и секса. Для него это была увеселительная прогулка.

Вода в котелке закипела быстро, и вот они уже сидели на обочине, и пили чай из огромных алюминиевых кружек. Денек выдался погожий, теплый и ясный, этакий эталонный весенний день. Но Владик не мог наслаждаться им, ибо мрачные думы одолевали программиста. Он очень рассчитывал на эту поездку, мечтал вернуться героем, увенчанным славой и любимым девушками, и вот все его надежды пошли прахом. Вернется он тем же, кем и отбыл на задание – пустым местом. И вновь окажется в ненавистном поле с ненавистой лопатой. Эх, не будь с ним Цента, он, пожалуй, предпочел бы возвращению бегство, но теперь об этом нечего и мечтать.

– Поели, попили, пора и к дому двигать, – постановил Цент, выплескивая из кружки остатки чая с заваркой. – Соберай продукты, и поехали. Отдых – дело хорошее, но княжество без присмотра тоже надолго оставлять нельзя. Там же, в стратегических кладовых, такие разносолы хранятся,

что за ними глаз да глаз нужен. Только ослабь внимание, как бессовестные слуги обязательно влезут и преступным образом что-нибудь сожрут. И что потом делать? Казнить-то их я казню, но ведь съеденное обратно не воротишь. По крайней мере, в перевозданном виде. Ну, чего застыл? Собирай, говорю, харчи. Домой пора.

Озадачив слугу покорного, князь взгромоздился на капот и закурил. Сидел, глядел вдаль, куда уводила трасса. Вопреки словам, особого желания возвращаться в Цитадель немедленно у него не было, но и заниматься поиском приключений тоже не тянуло. Приключения в нынешние времена все до одного были опасными, сопряженными с риском для жизни. А Центу, в отличие от Владика, было что терять. Зря, что ли, напрягался, к успеху шел, и дошел, чтобы теперь сгнить. А развлечения можно и в Цитадели найти. А не найдутся, так организовать. Олимпиаду, к примеру, провести, или футбольный турнир. Или просто взять и учредить какой-нибудь новый праздник, а потом шумно его отметить.

Цент как раз подумал о том, что по какой-то неведомой причине подданные до сих пор не отмечают день рождения монарха, но тут его рассеяно блуждающий взгляд заметил на дороге какой-то блестящий предмет, отражающий солнечные лучи. До него было недалеко, решил сходить пешком, пока Владик грузил продукты в машину.

– Ты куда? – тут же встревожился верный слуга.

– Сейчас вернусь, – отмахнулся Цент. – Занимайся своим

делом.

Пройдя по дороге сотню метров, Цент достиг заинтересовавшего его предмета. То была банка тушенки, которая бесхозно валялась прямо на асфальте. Наклонившись, и подняв ее, Цент убедился в том, что банка целая, не вскрытая, и, судя по выбитым на днище датам, содержащая пригодную в пищу еду.

– Вот даже как, – протянул Цент, подозрительно поглядывая по сторонам. У него не было сомнений в том, что банка оказалась на асфальте совсем недавно. Прележи она здесь значительный срок, неминуемо покрылась бы ржавчиной или стала добычей проезжавших мимо людей.

С банкой в руке он вернулся к машине, но, вопреки ожиданиям Владика, полез не на пассажирское сиденье, а в багажник, откуда вытащил дробовик и коробку патронов к нему. Встревоженный программист сгоряча подумал, что Цент засек какую-то опасность, и поспешил выяснить, в чем дело.

– Рядом зомби, да? – простонал он. – Они близко? Их много? Может, уедем, а?

– То ты рвался искать источник сигнала, то хочешь уехать, – удивился Цент, снаряжая дробовик боеприпасами. Два десятка патронов рассовал по карманам. Подумал немного, взял вторую пачку патронов, и протянул ее Владике.

– Положи в рюкзак, – велел он. – Туда же помести прови-

анта с расчетом на легкий походный перекус.

– Что случилось? – недоумевал Владик, которого сильно напугали все эти загадочные сборы.

– Ты тупой, да? – повысил голос Цент. – Идем искать источник сигнала. За этим ведь приехали, разве нет?

Владик только что рвался на поиски, но едва дошло до дела, ему резко перехотелось. Вдруг как-то внезапно понял, что это не просто прогулка на свежем воздухе, а крайне опасное задание. Одному богу известно, с чем они могут столкнуться, обнаружив тот самый источник. А когда Цент протянул ему сумку с патронами, Владик ощутил жгучую тоску по жизни простого крестьянина, пахаря неумоимого, что днями напролет копает землю лопатой. И с чего он решил, что ему не нравится такая жизнь? Очень даже хорошая жизнь, стабильная, спокойная, никаких тебе опасностей и ужасов. Копай себе землю, да горя не знай. Нет же, взалкал лучшей доли. Понесло на подвиги. Будто забыл, что он совсем не герой, и не рожден для жаркой битвы.

Цент сунул за пояс волшебную секиру, а в руки взял дробовик. От пистолета, подумав, отказался. Против живых людей и ружья хватит, против мертвецов у него припасен божественный топор. Незачем себя металлом перегружать. А программисту оружие вообще давать опасно – тот скорее сам застрелится, чем сумеет им грамотно воспользоваться.

Когда Владик попытался замкнуть двери автомобиля, князь остановил его, попросив этого не делать.

– А если кто-то будет проезжать мимо? – выразил опасение Владик.

– Кто захочет, тот залезет, и на замки не посмотрит, – растолковал Цент. – А вот если нам придется быстро отступать, возня с запертыми дверями может обойтись очень дорого. Да и невелик шанс, что кто-то тут появится, пока нас не будет. Ныне плотность населения не та, что прежде. Скорее встретишь медведя, чем человека.

Оставив автомобиль на обочине, вооруженные герои неспешно пошли вперед по трассе. Цент вертел головой, будто что-то высматривая, Владик покорно плелся позади него, исполняя роль мула, везущего поклажу хозяина. А поклажа оказалась нелегкой. Патронов-то Цент взял про запас одну коробку, зато провизии набрал на целый банкет. Это было в его стиле – и хорошо покушать, и транспортировать свое добро на чудом горбу. Как еще сам верхом не залез?

Прошли метров триста. Владик не понимал, куда они идут, и почему идут, а не едут, но спрашивать боялся. Цент был нетипично собранным, его обычная вялая расхлябанность сменилась напряженной сосредоточенностью. И Владик, видя это, всем ливером чуял грядущие неприятности. Что бы ни встревожило князя, это определенно было что-то опасное. Да в мире ничего другого, считай, и не осталось. Все хорошее, доброе и светлое умерло в нем два года назад, остались только тьма, ужас и свирепые люди.

Цент вдруг резко остановился, и радостно произнес:

– Ага!

Владик вздрогнул, готовясь спастись бегством. Пересилив страх перед суровым повелителем, он все же дерзнул задать вопрос:

– Что там?

– Дорога.

– Где?

– Вон там. Видишь?

Если бы Цент не ткнул пальцем, и не обозначил точку, куда следовало смотреть, Владик бы легко пропустил тщательно замаскированную прореху в сплошной чередке деревьев. Только приглядевшись, можно было заметить ее. Прореха, обозначающая ведущую неведомо куда дорогу, была завалена сухими ветками, и сделано это было намеренно. Кто-то сильно не хотел, чтобы этот съезд был обнаружен случайными людьми, проезжающими мимо по трассе. Мертвецы вряд ли стали бы заниматься чем-то подобным, следовательно, выходило, что дорогу скрыли живые люди.

Как и следовало ожидать, за завалом из веток скрывалась узкая дорога, уводящая куда-то в лес. Здесь же Цент обнаружил еще одну улику – банку пива. Поднял ее, осмотрел, затем откупорил и утолил жажду.

– Что происходит? – спросил Владик. Он ничего не понимал, и это непонимание пугало его.

– Там, – Цент указал рукой направление вглубь лесного массива, – люди. Какая-то община, судя по всему. Думаю,

их-то сигнал мы и приняли.

– И мы пойдём к ним?

– Надо сходить. Хоть посмотрим, кто там, в каком количестве. Если они не дикари и не людоеды, попытаемся уговорить их переехать в Цитадель. Мне лишние подданные не помешают.

– А если они окажутся враждебно настроенными? – забеспокоился верный слуга. Оснований для подобного рода беспокойства было более чем достаточно. После конца света дружелюбно настроенных людей почти не осталось.

– В этом случае мы воспользуемся планом «Б», – ответил ему Цент.

– «Б» значит бегство?

– «Б» значит беспощадное истребление. Пусть только попробуют не встретить князя подобающим образом, с красной ковровой дорожкой, караваем и банкетом. Если вдруг выяснится, что эти нехристи не желают стать моими новыми подданными, нам с тобой придется их всех убить. У нас просто не останется иного выбора.

– Необязательно это делать, – рискнул сказать Владик. – Люди сами вольны выбирать, где и как им жить.

– Это устаревшая концепция, – возразил ему Цент. – Свобода выбора давно изжила себя, как и еще целый ряд свобод. Ведь что такое, по сути, свобода?

Рассуждая, Цент пошел вперед по лесной дороге. Владiku ничего иного не оставалось, кроме как последовать за своим

ГОСПОДИНОМ.

– Свобода, это возможность быть собой, – ответил он.

– С этим согласиться не могу, – покачал головой князь. – Если каждому позволить делать все, что заблагорассудится, то многие ли тогда станут работать в полях и на фермах? Да и потом, чтобы быть собой, нужно точно знать, кто ты. Понять это. И понять правильно. Ведь тут и ошибиться недолго. А ошибка может повлечь за собой настоящую катастрофу. Вот подумает какой-нибудь недалекий балабол, что он вождь и лидер, взбаламутит народные массы призывами пламенными, а дальше что? Куда он их, дурень этот, поведет? В какое светлое будущее? Он сам туда дорогу не знает. А народ-то уже взбаламучен, уже на низком старте. Все ждут, когда же оно, светлое будущее, грянет. Когда их, горемычных, величием окатит. Когда, наконец, с колен поднимутся. Все дела побросали, ни за что приниматься не желают. Ждут себе и ждут, год за годом. Ну и чем, по-твоему, хорошим это может завершиться? Ничем, разумеется. Потому и говорю, что прежде, чем свободу человеку давать, нужно понять, кто он и на что годен. Кто-то, например, думает, что он крутой перец, и достоин величия. А на деле он лох обычный, и место ему в поле с лопатой в руках. Что нужно делать? Правильно – отправлять в поле. Если придется, то методом насильственного принуждения. Откажется работать – сечь. Ну а если человек крут и конкретен, ему, понятное дело, почет и уважение, перед ним все дороги открыты. Это, я считаю, бо-

лее совершенный и прогрессивный вид свободы. Тут тебе не просто анархия, что хочешь, то и делай, тут научный подход.

Владик внимательно слушал Цента, и понял для себя лишь одно – тот величает свободой обычную тиранию, власть силы, и нарекает прогрессивной систему, при которой крутые перцы, вроде него, ведут паразитический образ жизни, эксплуатируя народные массы.

Заметив, что слуга молчит, Цент подумал, что тот имеет дерзость не согласиться с его видением мира.

– Смотрю, ты иного мнения, – произнес он недобрым тоном.

– Нет, нет, ты во всем прав! – быстро сказал Владик. Согласно своду законов Цитадели, несогласие с лидером нации хоть в чем-либо считалось тяжким преступлением и каралось так, что мало не казалось. Процедура наказания состояла из трех стадий, и, как слышал Владик, до третьей стадии пока что никто не дожил.

– Я долго и напряженно размышлял о сути бытия, – вновь заговорил Цент, – и мне открылось немало мудрых вещей.

Легко было думать о сути бытия, целыми днями пиная баклуши и обжираясь шашлыком. Впрочем, Владик, без выходов вкалывая в поле последние полтора года, тоже кое-что понял об этом бытии.

– Думаю, прежний мир, при всех его достижениях, был устроен неправильно, – высказал свое мнение Цент. – Более того, начинаю подозревать, что именно его неправильность

и спровоцировала пробуждение древних богов.

– Но ведь это не так, – не удержавшись, возразил Владик. – Богов пробудили люди. Не все люди вообще, а конкретные. Вина на них, а не на всем человечестве.

– Презумпция невинности, – кивнул головой Цент. – Еще одно заблуждение старого мира. Мы не потащим в будущее весь этот бесполезный хлам. Пойдем вперед своим путем. Иным.

– Каким? – вздрогнул Владик. Зная Цента, он боялся даже представить тот путь, каковым этот свирепый истязатель собирался повести остатки рода людского.

– Иным, – загадочно ответил князь Цитадели. – Я уже давно работаю над новой концепцией мироустройства, но до конца сего эпохального труда еще далеко. Однако кое-что уже успел набросать. Называется все это дело: «Научный крутинизм».

От комментариев Владик удержался, но, судя по всему, на его лице что-то такое проступило, что не укрылось от всевидящего взора правителя.

– Да, согласен, название не очень, – согласился тот. – Есть другой вариант, более развернутый и конкретный. Звучит так: «Концепция нового мирового порядка, или почему крутые должны кушать плов и шашлык, а лохи пахать и помалкивать».

– И в чем суть концепции? – поинтересовался Владик, хотя многое ему стало ясно уже из одного названия.

– Ну, я, вообще-то, пока что только название придумываю, – признался великий мыслитель. – За саму концепцию еще не брался. Отвлекают постоянно, то тем, то этим. Бывало, лежишь себе на диванчике, кушаешь пирожки с ливером, попиваешь пиво, мыслишь о великом, а тут подбегают к тебе всякие, и давай мозги сокрушать – надень штаны, хватит лежа жрать, причешись, побрейся, почисти зубы....

И Цент гневно сплюнул на обочину.

– Что можно взять с этих недалеких людей? – продолжил он. – Не умеют мыслить глобально. Видят только то, что у них перед носом, а дальше и не смотрят. Я же, как вождь возрождающегося человечества, зрю в далекое будущее. И чем дальше зрю, тем четче осознаю, что залог грядущего процветания кроется исключительно в строгом разделении общества на крутых и лохов.

– Но ведь человечество это уже проходило, – напомнил Владик. – Классовое деление....

– Я тебе не о классах толкую, тупая твоя голова! – повысил голос Цент, чем едва не опрокинул слугу в обморок. – Прежде люди делились на знать и чернь, на богатых и бедных. Это было. А вот на крутых и лохов никогда не делились. В благословенные девяностые была предпринята попытка, но она сорвалась происками темных сил.

– Но я не понимаю, в чем отличие твоей концепции от того, что уже было, – признался программист.

– То, что ты слаб умом, я понял еще в день нашего зна-

комства. Вообще не знаю, зачем я веду с тобой столь много-мудрые разговоры. Разве твой скудный разум способен понять все величие и грандиозность моего замысла, всю его прогрессивность и все ожидаемые выгоды? Разве можешь ты понять, какое благоденствие наступит, когда общество строго разделится на крутых и лохов? Только представь – крутые живут в состоянии непрерывного блаженства, отдаются праздности, вкушают изысканные блюда. Их жизнь похожа на сказку. А лохи, в это время, работают, трудятся в поте лица, вкалывают, не ведая выходных и отпусков, за что получают трижды в день миску безвкусной баланды. Разве можно вообразить себе мир прекраснее?

– Но что в этом нового? – не унимался Владик.

– Какой же ты тугодум! Новое то, что прежний мир делился на богатых и бедных, на знатных и незнатных, на умных и глупых. И все это ни к чему хорошему не привело. Я же построю мир, в котором человечество разделится на две фракции: по одну сторону крутые перцы, по другую лохи безмолвные. Что может быть более справедливым? Если человек крут, то заслуживает достатка и благополучия, и не должен он позорить себя физическим трудом. С другой стороны, каково еще предназначение лоха, как не труд бесконечный и покорность во всем?

– Ну а если лохи будут недовольны? – допытывался Владик. – Если они восстанут?

– В том-то и прелесть лоха, что он не восстает, – усмех-

нулся Цент. – Восстать может только крутой. А если всем крутым уже хорошо, то некому и восставать. В этом-то и новизна моей модели мироустройства. Раньше ведь почему все шло наперекосяк. Взять те же средние века. Там все определялось происхождением. Но что такое происхождение? Ведь у крутого царя запросто может родиться сын лох. А какой из лоха правитель? Навоз на конюшне разгребать он годен, но стоять во главе государства неспособен. Но монархия, классовое общество. Никуда не денешься. Что уродилось, то и будет править. Как править – догадаться не трудно. И заканчивается правление такого лоха закономерно – смута, революция, пуля в монаршей башке, притом не сказать, что незаслуженная. Или вот взять капитализм. Кто правит? У кого денег больше, тот и правит. Но где гарантия, что капитал обязательно попадет в крутые руки? А если в руки лоха? Тут уж жди беды, ибо лох на то и лох, что ничего-то сделать не может.

– Но как же демократия? – спросил Владик. – Разве выборы не являются справедливым способом избрания правителя?

– Какой же ты глупый, – покачал головой Цент. – Выборы... А кто выбирает? Все? А известно ли тебе, что лохов на свете больше, чем крутых перцев? Вот и думай, кого лохи выберут. Нет, друг Владик, все это полный отстой. Принимать решения могут только крутые перцы, лохи вообще не должны иметь права голоса. Всех прочих прав тоже не должны

иметь. Права, это такая штука, которую кому попало дарить нельзя. Свое право на права еще нужно доказать. Вот покажи сперва, что ты крут, яви конкретность свою немалую, и обретешь права. А лохам они зачем? Я даже думаю, что лохам эти права вовсе не в радость, и совсем не нужны. Лоху ведь что главное в жизни?

– Что?

– Иметь хозяина. Того, кто будет его от опасностей защищать, за провинности карать, а за успехи поощрять. Когда у лоха есть хозяин, он счастлив и спокоен. Жизнь сразу становится простой и ясной. Все, что лоху надо знать, хозяин ему расскажет: что делать, что не делать, где друзья, где враги. А лоху это и надо. Ему нужен простой и понятный мир, двухцветный, без полутонов и теней. А вот дикий лох, лишенный хозяина, весь охвачен тревогами, все время нервничает. Он ничего не понимает. Реальность, в своей многогранности, страшит его. Он желает скорее обрести хозяина, чтобы тот, своим крутым словом, внес ясность и положил конец сомнениям. А какие-то права, свободы и тому подобные вещи лохам вовсе без надобности. Да и что они с ними делать будут? Так что, сам видишь, замысел мой мудр, а планы грандиозны. Думаю, что в будущем, когда научный крутинизм победит по всей планете, мне, как его основоположнику, воздвигнут монументы, дабы слава моя жила в веках. Центизм-крутинизм будут изучать в школах и институтах, как основной, и, возможно, единственный предмет. И на

школьных линейках будут петь новый гимн. Я тут уже кое-что набросал. Примерно так.

И Цент, прочистив горло, негромко, но с душой, запел:

– Сквозь грозы сияло нам крутости солнце,
И Цент грандиозный нам путь озарил.
Крутым даровал шашлыки и беконны,
Лохов же трудом навсегда одарил.

– Или вот еще:

– В победе бессмертных идей крутинизма,
Мы видим грядущее нашей страны.
Крутые во всей заправляют Отчизне,
А лохи по жизни работать должны.

– Крутинизм неизбежен! – заверил слугу Цент. – Тысячи лет человечество искало идеальную форму социального устройства, и вот, моими стараниями, она была обретена. Ты, Владик, присутствуешь при эпохальном событии. Если бы у тебя могли быть дети, ты бы однажды рассказал им об этом великом дне. Жаль, что не расскажешь.

– Но у меня могут быть дети, – поспешил напомнить Владик.

– Не обманывай себя, дружище. Ты, возможно, не знал, но дело в том, что детей не находят в капусте. И в магазине

их не покупают. Должен признаться, что и аисты не имеют никакого отношения к процессу производства детей. Ты уже достаточно взрослый мальчик, чтобы узнать правду без психологической травмы. Тебе как: зайти издалека, с тычинок и пестиков, или вывалить все в лоб, грубым народным языком?

– Я знаю, откуда берутся дети, – проворчал Владик. – Я просто не понимаю, почему их не будет у меня.

– Все-таки придется начать с тычинок, – вдохнул Цент. – Понимаешь, какое дело, чтобы образовались дети, помимо пестика нужна еще и тычинка. Пестиком ты оснащен, но вот вопрос – найдется ли на свете тычинка, которая захочет поучаствовать в процессе размножения совместно с тобой? Сейчас ведь времена суровые, людей осталось мало. Раньше, до конца света, у тебя был шанс на размножение. Но теперь.... Нет Владик, даже не мечтай об этом. Бабы нынче пошли разборчивые, абы кого к своей тычинке не подпускают. Раньше все деньгами можно было решить, а теперь, сам понимаешь, только личной доблестью, отвагой, умом и умением выживать. Видел, как девки к поисковикам липнут? Это потому, что от таких парней детей рожать не страшно. И потомство, и жену прокормят, всем необходимым обеспечат. А к землекопам они не липнут, потому что землекоп даже себя прокормить не может, иначе не был бы он землекопом. Так что, Владик, надежды на твое размножение почти нет. Лучше всего просто смирись. В конце концов, дети не такая

уж важная штука. Есть они, нет их – не все ли равно? Найди себе другую радость в жизни. Марки, к примеру, начни собирать или строить домики из горелых спичек.

Владик обиженно засопел – Цент коснулся больной для него темы. Что самое обидное, коронованный изверг во многом был прав. Женщины в Цитадели обращали свое внимание на кого угодно, но только не на него. Им нравились гвардейцы, поисковики, успешные дельцы, нажившие добра на коммерции, а ударник сельскохозяйственного производства не нравился совсем. Даже девки из числа крестьян игнорировали Владика. Даже самые некрасивые из них. Будто сговорившись, они день за днем сокрушали его мужское самолюбие, и в итоге добились своего – Владик твердо уверился в том, что он никому не интересен, и не видать ему половой жизни, как шашлыка.

– Не забивай себе голову всякими глупостями, – посоветовал добрый друг Цент. – Лучше, раз уж живешь целомудренной жизнью, посвяти себя молитвам и благочестивым делам. Вдруг в этом и заключается твое истинное призвание?

– В чем? – испугался Владик.

– В том, чтобы стать святым. Ну а почему нет? Я велю для тебя скит построить на отшибе, будешь там жить один, светлым помыслам отдавшись. К тебе люд православный станет за отпущением грехов ходить. Будут пред тобой исповедоваться, а ты потом мне рассказывать, кто и что плохого сделал. Ты ведь хотел сменить обстановку, попробовать себя в

новой роли. Вот, предлагаю тебе еще один вариант.

– Я, наверное, не смогу, – поспешил отказаться Владик. – Я ведь далек от религии.

– В этом и кроется корень твоих несчастий, – сказал Цент. – Не молишься, не веруешь, крестик даже не носишь. Поэтому бог и не посылает тебе блага.

Владик был уверен, что в его несчастьях виноват вовсе не бог, а кое-кто другой, но промолчал. Спорить с Центом было бесполезно, пытаться что-то объяснить или доказать ему, тоже.

За беседой они успели отшагать по лесной дороге километра полтора. Цент находил все больше признаков того, что люди часто ездили здесь. На это указывали следы от протекторов, отпечатавшиеся в засохшей грязи, обломанные ветви на обочинах, а так же всевозможный мусор – окурки, пивные банки, упаковка от различных продуктов. Где-то впереди их точно поджидало логово выживших. И сигнал, вероятно, отправили именно они. Но вот вопрос – что заставило их выйти в эфир спустя два года после конца света? Почему молчали до того, было ясно. Жизнь ныне опасная, притом опасность исходит не только от мертвецов. Заявить о себе по радио, назвать свои координаты, значило навлечь на свою голову крупные неприятности. Ведь шанс того, что на зов явятся добрые люди, крайне мал. Скорее пожалуют злодеи, дабы отнять всю еду, оружие и баб, а всех остальных пустить в расход. Это Цитадель могла отбить практически лю-

бую атаку, но у крошечной группы в пять-шесть голов будет мало шансов в противостоянии с бандой мародеров.

Когда второй километр пути начал подходить к концу, а прогулка по весеннему лесу окончательно перестала доставлять радость, Цент разглядел сквозь деревья какое-то сооружение прямо по курсу. Спустя секунду, его увидел и Владик.

– Что это? – прошептал оробевший программист.

– Не знаю, – ответил князь. – Подберемся ближе. Только не по дороге. Давай за мной.

К объекту приблизились под укрытием густых кустов, сквозь которые выяснили, что видят перед собой забор. Тот был высок, метра три с половиной, но выглядел довольно хлипким. Состоял он из листов тонкого профилированного металла, и вряд ли мог выдержать массированную атаку мертвецов. Судя по всему, строители сего ненадежного укрепления рассчитывали исключительно на то, что в лесной глуши зомби их не найдут.

– Там, похоже, ворота, – сообщил Цент, указав направление пальцем. – Давай подползем ближе. Только смотри, не отвечивай. Примут за зомби, и пристрелят. Хорошо, если одного тебя свинцом обогатят. Но ведь они и меня могут зацепить.

Два отважных героя осторожно подобрались к воротам. Над ними возвышалась дозорная вышка, кривая и косая, собранная на сварке и болтах из различного металлолома, но она оказалась пуста. Стояла странная неестественная тиши-

на, совершенно не свойственная человеческому поселению. Люди на то и люди, что всегда производят шум. Иначе не умеют. Цент знал это на собственном горьком опыте. Ему в жизни однажды не повезло с соседями. Те оказались ну очень шумными, день и ночь выясняли отношения. Глава семейства все время орал, его законная супруга визжала, не умолкая, еще у них были дети, и те тоже ртов не закрывали. Страдающий Цент долго все это терпел, дольше, чем обычно. Целых три дня. А потом пошел к соседям в гости. Его визит оказал благотворное влияние на шумную семейку. С тех пор из их квартиры не долетало ни единого звука. Тишина продолжилась даже после того, как с членов шумной семейки сняли гипс. Цент умел находить с людьми общий язык, всегда знал, к какому индивиду какой подход требуется. Иному достаточно показать кулак в профиль, другого же необходимо долго и упорно бить ногами, а в особо запущенных случаях регулярно проводить повторные процедуры.

Осмелев, Цент и Владик вышли на дорогу перед воротами. Никто не следил за ними со стен, никто не приветствовал их, никто не пытался прогнать. На стенах было пусто, на дозорной вышке тоже.

Ворота были распахнуты настежь, гостеприимно приглашая входить и не стесняться. Цент, в общем-то, был не из стеснительных, привык в гостях вести себя как дома. Особенно, когда являлся в гости незвано, ко всяким лохам, за-

бывшим заплатить братве налог за право жить и работать. Вот у них дома бывший рэкетир вообще не стеснялся – все ломал, крушил, что понравилось, то рассовывал по карманам. С самими хозяевами тоже не церемонился: кого с ноги по ливеру, кому паяльник в известное место, кому деревянной скалкой по пальчикам – на-на-на! Очень любил Цент в благословенные девяностые ходить в гости без приглашения. Обожал делать людям сюрпризы. Они как его видели, так аж в лице от счастья менялись. Иногда в буквальном смысле. Один жадный коммерсант нарочно сделал пластическую операцию, чтобы карающая длань организованного криминала до него не дотянулась. Думал остаться неузнанным, документы себе новые выправил. Уже собрался из страны сдернуть. Но Цент настиг его прежде. Ни новое лицо, ни новые документы не помогли. Жадный коммерсант был подвергнут зверской пытке и умучен насмерть, ибо нет греха страшнее, чем за крышу не заплатить. Этак один не заплатит, второй, а на что конкретным пацанам красиво жить? Или что же, эти потерявшие совесть жадные коммерсанты хотели, чтобы конкретные пацаны шли работать грузчиками да сторожами? Да за одно только это убить мало, ибо для работы создан лох, а конкретный пацан, он сотворен для иных дел.

За воротами, как на ладони, раскинулась вся территория колонии, благо та была небольшой и компактной. По оценке Цента, проживать здесь могло не более двадцать человек, на что указывало количество жилых домиков. Тех было пять,

они стояли в ряд вдоль забора, имели незначительные габариты, но были возведены на совесть и явно с применением прямых рук. В качестве строительного материала обитатели колонии использовали обычный силикатный кирпич, которым, вероятно, поживились где-то неподалеку. Двускатные крыши покрыли листами профилированного металла, вставили в проемы пластиковые окна и железные двери, и решили, что теперь у них все будет хорошо.

Помимо пяти явно жилых домиков на территории имелось еще одно строение – больше прочих, с глухими высокими стенами, и крышей с бойницами, явно приспособленной для ведения обороны. На это же указывал накрытый брезентом крупнокалиберный станковый пулемет, установленный там и направленный дулом в сторону ворот. Судя по всему, обитатели колонии предусмотрительно оборудовали крепость внутри крепости, и в случае прорыва внешнего периметра, люди могли спрятаться там, подняться на крышу и дать отпор силам вторжения, будь то мертвецы или живые агрессоры.

Весь небольшой двор колонии был заставлен транспортом, какими-то бочками под наспех сооруженным брезентовым навесом, ящиками с загадочным содержимым, и дырой колодца, который начали рыть, но так и не успели довести дело до конца.

В общем, за воротами не оказалось ничего необычного, что-то в этом духе Цент и ожидал увидеть. А вот что дей-

ствительно стало для него необъяснимым сюрпризом, так это полное отсутствие людей. Вкупе с настежь распахнутыми воротами это выглядело весьма странно и даже подозрительно.

– Дома, вроде бы, никого, – заметил князь, держа дробовик наготове. Кто знает, что это за место, и не является ли все это чьей-то изоциренно расставленной ловушкой?

Владик тоже заглянул в распахнутые ворота, увидел пустую колонию, и тут же был охвачен недобрыми предчувствиями. По всему было видно, что люди обосновались в этом месте надолго, если не навсегда, они возвели капитальное жилье, начали рыть колодец, чтобы обеспечить себя водой. Возможно, где-то за забором, в лесу, у них даже были огороды. Никто по своей воле не будет обживать на каком-то месте, а потом бросать его без видимой причины.

А причин, на первый взгляд, и впрямь не было. Владик нигде не видел последствий боя, да и ворота были не взломаны, а именно открыты. Кто бы ни напал на колонию, орда зомби или живые бандиты, после этого остались бы многочисленные и хорошо заметные следы.

– Что здесь произошло? – тихо спросил Владик, робко выглядывая из-за широкого плеча спутника. – Где все люди?

– По грибы ушли, – проворчал Цент. – Что глупые вопросы задаешь? Я тут впервые, как и ты. Сейчас пошарим, разведем. Глядишь, что-нибудь и выясним.

– Хорошо ли это – шарить в чужом доме? – засомневался

Владик. Тревожила его не моральная сторона вопроса, а возможность внезапного возвращения хозяев колонии. Те вряд ли запрыгают от радости, когда узнают, что какие-то бродяги без спроса рылись в их вещах.

– О том, что такое хорошо и что такое плохо, предоставь судить людям, более мудрым, нежели ты, – посоветовал слуге Цент. – Здесь требуется могучий интеллект, коим ты, очевидно, не обладаешь. Твой удел не размышлять о сути бытия, а копать землю и помалкивать.

Возражать монарху Владик не стал. Знал прекрасно, как ково это – спорить с Центом. Ты ему слово, он тебя битой – вот и вся дискуссия.

– Но если мы начнем рыться здесь, и внезапно вернутся хозяева, они могут неправильно все понять, – все же дерзнул сообщить землекоп. Волновался Владик не за сохранность чужого имущества, а за свое здоровье. Кто знает, как принято наказывать воров в этой колонии? Возможно, их, без лишней волокиты, убивают на месте? Или гуманно избивают до состояния первой группы инвалидности, после чего выбрасывают за ворота, дабы те домучились и опочили на воле.

– Сомневаюсь, что нам стоит опасаться внезапного возвращения хозяев, – высказал свое профессиональное мнение Цент.

– Почему ты так думаешь? – встревожился Владик. – Ты что-то знаешь?

– Тут и знать нечего. По своей воле они не бросили бы

свой дом и не сбежали всем составом. Притом бежали так прытко, что забыли даже ворота запереть. Или не посчитали нужным, поскольку не планировали сюда возвращаться.

– Что могло заставить людей поступить так? – содрогнулся Владик.

– Либо что-то, представляющее реальную и неслабую опасность, либо же что-то, внушающее невыносимый ужас, – обозначил круг подозреваемых Цент. – Есть еще одна версия, согласно которой местные обитатели подверглись массовому сумасшествию и, лишившись рассудка, убежали в лес на верную погибель. Но этот вариант я предлагаю не рассматривать в силу его маловероятности.

А вот Владик, как раз, предпочел бы, чтобы верной оказалась версия с массовым помешательством. Потому что все остальные объяснения исчезновения людей рождали ледяную стужу в его кишечнике. Страшная опасность или необоримый ужас – даже не скажешь, что хуже.

Впрочем, Владик тут же придумал еще одно объяснение, согласно которому людей вынудило бежать что-то одновременно дьявольски опасное и невыносимо кошмарное. И это что-то до сих пор может бродить поблизости.

– Ладно, что на пороге стоять? – пожал плечами Цент. – Пойдем, поглядим, что да как. Авось хоть поживимся чем-нибудь. Ведь стыдно возвращаться с задания с пустыми руками. Мне, князю, стыдно. Самодержцу свой имидж ронять нельзя, потом поднимать замучаешься. Тебе-то, конечно, все

равно, падать-то ниже некуда, но, глядишь, явишься с богатыми трофеями, какая-нибудь страшная и глупая баба проявит к тебе интерес. Хотя, настолько страшных и глупых баб я в Цитадели не видел. Ну, может, прячется где-нибудь одна, людям на глаза показаться стесняется. Вот она-то тобой не побрезгует. Только ты, очкарик, учти, что у нас, в Цитадели, уровень духовности находится на самом высоком уровне, и половые связи вне брака для крестьянского сословия строго запрещены. Хочешь секса – будь добр оформить все официально. И не забудь о брачном налоге.

– Что это такое? – простонал программист.

– А ты не в курсе? Как же так можно? Я, значит, законы издаю, тружусь, потею, на пределе сил их из себя исторгаю, а ты о них даже не знаешь. Для кого законы-то? Не для меня же. Я, венценосный правитель, выше всякого закона стою. А ты, крестьянин землеройной ориентации, должен знать, что согласно княжескому, то есть моему, постановлению, каждый, решивший вступить в брак, обязан уплатить в казну брачный налог.

– И каков он? – спросил Владик, хоть и сомневался, что эта информация ему пригодится. Даже некрасивые и глупые девчонки, которых в Цитадели, на самом деле, хватало, не проявляли к нему интереса.

– Налог невелик. Для крестьян, если по тушеночному курсу, тридцать банок, для горожан двадцать банок, придворный люд, гвардейцы и поисковики от налога освобождены.

Тот факт, что самый большой налог полагалось платить самым бедным и бесправным, то есть крестьянам, Владика не удивил. В его родной стране так было со дня ее основания. Программиста поразила размер налога. Тридцать банок тушенки – настоящее богатство. Простому крестьянину не заработать столько и за пять лет.

– Не слишком ли много? – осторожно спросил он у князя.

– Зато разводов не будет, – заметил Цент. – С таким налогом сто раз подумают, прежде чем жениться, все взвешают, оценят, друг к другу присмотрятся. Семья – ячейка общества. Если семья крепкая, то и с обществом порядок. А если сегодня под венец, а завтра на развод, то далеко ли тут до анархии и смуты? А оно мне надо? Лично я за стабильность, но за правильную стабильность. Это когда я стабильно ем шашлык и плов, стабильно сплю до обеда и стабильно руковожу державой, не вставая с дивана, а ты стабильно ишачишь в поле с утра до вечера, за что стабильно получаешь миску баланды и не жалуешься на жизнь. Вот такая стабильность по мне. Да и ты, я думаю, доволен. За пределами Цитадели тебя давно бы уже мертвецы умяли, а так живой, не чихаешь, мышцы на лопате накачал. Ведушь здоровый образ жизни, не то, что раньше, когда сидел за компьютером, портя зрение и подвергая свои детородные органы электромагнитному облучению.

Ведя беседу, князь и его верный холоп добрались до жилых домиков, где выяснили, что все двери в них распахну-

ты настезь, будто люди покидали свои жилища в большой спешке. Цент сунулся в один из домов, и обнаружил внутри полный порядок. Кровати были застелены, одежда висела на вешалках, личные вещи находились в тумбочках, куда Цент не побрезговал сунуться. На столе стояло несколько чашек с давно остывшим чаем, а на тарелке лежали бутерброды с копченой колбасой. То есть, колбасой это было раньше, а теперь оно превратилось в нечто черное и дурно пахнущее.

У Цента создалось впечатление, что люди в доме спокойно сидели и пили чай с бутербродами, а затем вдруг встали и ушли. Совсем ушли. Ушли, в чем были, не взяв ничего из личных вещей.

– Есть там кто-нибудь? – прозвучал снаружи голос Владика.

– Живых нет, – откликнулся Цент.

– А мертвых? – трусливо проскулил землекоп.

– Мертвых тоже. Но если не перестанешь задавать глупые вопросы, один зверски растерзанный труп здесь может появиться запросто.

В остальных домиках их ждала та же картина, что и в первом. Все осталось на месте. Люди покинули колонию, не взяв с собой даже оружия.

– Да куда их черт понес? – проворчал Цент, выходя наружу из последнего дома. Не осмотренным оставалось лишь укрепленное строение с пулеметом на крыше, но князь подзревал, что увидит в нем ту же картину.

– Может, кто-то взял их в плен? – озвучил непродуманное предположение Владик.

Цент даже не стал комментировать очередную глупость, исторгнувшуюся из уст холопа. Пленные появляются после сражения, а здесь никаким сражением не пахло.

– А вдруг это какой-то вирус? – брякнул Владик. – Началась эпидемия, и люди сбежали, чтобы не заразиться.

– Если бы тут вспыхнула эпидемия какой-то серьезной заразы, они бы перемерли все, и опомниться не успели, – успокоил программиста князь. – Хватит уже гадать. Нужно искать улики. Так, иди, посмотри, что вон в тех ящиках, а я пока проверю последний дом. Да гляди, если найдешь чипсы, сухарики или тушенку, не вздумай есть их. Вдруг тут и правда свирепствует какая-то зараза, еще заболеешь, чего доброго, и чем мне тогда тебя лечить? Горчичников нет, зеленки нет. Придется добить во избежание мучений. Так что ты уж себя береги, абы что в рот не суй.

Отправив Владика на задание, Цент вошел в здание, дверь в которое была хоть и прикрыта, но не заперта. Обыск не занял много времени, благо постройка была небольшой. Наталкиваясь на запертые двери, Цент, не раздумывая, пускал в ход дробовик. В одной кладовке оказался склад боеприпасов, которые не сильно заинтересовали князя. Зато когда отстрелил замок на второй двери, и распахнул ее ударом ноги, понял, что поездка была не напрасной.

Это был склад продовольствия, притом не абы какого, а

самого лучшего. В ящиках оказались разномастные консервы, в мешках сухари и чипсы. Обнаружилось также спиртное. Пива, к сожалению, не было, но из коньячной бутылки князь, не удержавшись, сделал богатырский глоток.

– Тут, пожалуй, прицеп нужен, или даже грузовик, – задумчиво почесывая бороду, прикинул лидер нации. – В тачку все не влезет, а что-то бросать не хочется.

В последнем помещении обнаружилась радиостанция, с которой, вероятно, и был отправлен сигнал с координатами. Цент равнодушно осмотрел аппарат, затем поднял взгляд на стену, где на четырех кусках синей изоленды висела большая карта местности. Князь сразу обнаружил на ней колонию, благо та была отмечена красным кружочком и подписана как «база». Но не это заинтересовало Цента, а еще два красных кружочка, которые подписать поленились. Судя по всему, в отмеченных местах находилось что-то важное, нужное или вкусное.

– Все интереснее и интереснее, – пробормотал Цент, сорвав карту со стены и разложив ее на столе, с которого предварительно спихнул радиостанцию. – И что же это у вас тут за отметки?

Глава 4

Явившийся Владик застал Цента за нетипичным для того занятием. Князь навис над столом, склонившись над какой-то картой, по поверхности которой медленно водил пальцем и что-то бормотал себе под нос.

– Я все проверил, – привлек княжеское внимание Владик.

– Что? – не поворачивая головы, спросил Цент. – Что ты проверил?

– Ну, те ящики.

– И что в них?

– Какие-то детали, я не разобрался.

– Что еще от тебя ждать? Ты в равной степени слаб как в точных, так и в гуманитарных дисциплинах.

– А ты что-нибудь нашел? – спросил раскритикованный программист.

– Конечно. Я же не ты. Если я отправляюсь на поиски трофеев, то всегда что-то нахожу. Притом что-то нужное и полезное. В частности, нашел оружие, нашел еду, и, самое главное, нашел эту карту.

– Что за карта? – любопытно спросил Владик, подходя ближе к столу.

– Карта непростая, с отметками. Видишь кружочек? Это колония. А тут еще два кружочка. Понимаешь, да?

– Нет, – честно признался Владик.

– Однообразный крестьянский труд ускорил процесс деградации твоего мозга, – констатировал князь. – Как же ты не понимаешь – там что-то есть. Что-то классное. Возможно, здесь, – Цент ткнул пальцем в один из кружочков, – расположен огромный склад консервов. А здесь, – он переместил перст к соседнему кружочку, – нас ждут грандиозные запасы пива.

Владику показалось, что Цент злоупотребил фантазированием, и насочинял того, что вряд ли сбудется. Лично Владик полагал, что ехать в обозначенные на карте места вообще не нужно, потому что нет там ни консервов, ни пива, зато обязательно есть что-нибудь ужасное и смертоносное.

– Там ведь может быть опасно, – робко намекнул он. – Вдруг это ловушка?

– Откуда в тебе столько неистребимого пессимизма? – изумился Цент. – Везде тебе, прыщавому, видятся опасности, ловушки, подвох. Нет бы, просто взять и рискнуть, вместо того, чтобы ныть и трястись.

– Я не люблю рисковать, – признался Владик. – Это не мое.

– Вот поэтому ты и являешься жалким землекопом. Не спорю, сломя голову кидаться в пекло, это безрассудство. Но иногда просто необходимо пойти на риск. Кто не рискует, тот землекоп. Хочешь до старости в поле горбатиться?

– Нет, не хочу.

– И не будешь. Не дотянешь ты до старости. Это все вра-

ки, что физический труд и свежий воздух даруют здоровье и долголетие. Хронические заболевания они даруют. У тебя еще ничего такого не проявилось? Грыжа там, артрит, язва двенадцатиперстной кишки?

– Нет, я здоров! – испуганно выпалил Владик.

– Надолго ли это? – покачал головой князь. – А ведь не будь ты таким трусом, мог бы стать поисковиком или даже гвардейцем. Работа почетная, и грыжу на ней не наживешь. Девки, опять же, интерес проявляют. Любят они крутых и отчаянных парней. А землекопов не любят.

– Я это знаю, – проворчал Владик.

– Раз знаешь, то начинай уже меняться. Желательно в лучшую сторону, хотя у тебя другого пути нет. Ибо хуже уже некуда.

Просто так покинуть колонию и отправиться к обозначенным на карте точкам, было нельзя. Цент даже мысли не допускал, что можно уехать, бросив на произвол судьбы весь запас провизии на складе. А вдруг кто-нибудь еще будет проезжать мимо и заглянет на огонек? И, утратив остатки стыда, присвоит себе чужие трофеи. Как потом с этим жить? И зачем?

План по спасению консервов разработал Цент, а осуществлять его выпало Владиду. В лесу, метрах в ста от колонии, они нашли яму неизвестного происхождения, куда Владик перетаскал все коробки и мешки с продовольствием. Затем из колонии взяли несколько досок, накрыли ими яму, а

сверху забросали сухой листвой.

– Теперь мое сердце спокойно, – заявил Цент, любуясь тайником.

Едва держащийся на ногах изможденный Владик бессильно привалился спиной к дереву и смахнул со лба литр пота. Пока таскал сокровища, чуть богу душу не отдал. И не потому, что ящики и мешки были такими уж тяжелыми. Просто князь, в целях экономии времени, приказал ему перемещать грузы исключительно в режиме бега.

– Теперь, следуя веками установленной традиции, следовало бы устранить всех свидетелей, знающих о месте сокрытия клада, – заметил Цент. – Но я верю, что ты не проболтаешься. Так ведь, Владик? Поклянись, что никакая, даже самая дьявольская пытка, не вырвет из твоих уст эту информацию.

– Я буду молчать! Клянусь!

– Молодец. И надеюсь, мне не нужно тебе напоминать, сколь ужасная кара ожидает клятвопреступников.

– Никому не расскажу! – потея пуще прежнего, заверил князя Владик.

– Хорошо. Не хотелось бы рыть вторую яму для сокрытия тела. Идем, очкарик, нас ждут веселые приключения.

Ворота в колонию Цент по-хозяйски прикрыл, хоть и не планировал возвращаться сюда. Здесь оставалось некоторое количество трофеев, но их полностью обесценивало огромное расстояние до Цитадели. Отправлять в колонию поиско-

виков было нецелесообразно – больше топлива пожгут, чем добра добудут. Что же касалось припрятанного продовольствия, его можно было забрать на обратном пути. Следовало только подыскать прицеп или сразу грузовик – вдруг это не единственная добыча, и впереди их ждет обретение новых невиданных богатств?

На трассу вернулись нескоро. Шли медленно, наслаждаясь тишиной и свежим воздухом. Цент двигался порожняком, а Владик, надрываясь, тащил огромную сумку, набитую провиантом. Поскольку почти все запасы, взятые в дорогу из Цитадели, прожорливый князь успел уничтожить за два неполных дня, он решил пополнить их, пока есть возможность.

Автомобиль ждал их там же, где они его оставили. Изнемогший Владик загрузил трофеи в багажник, а князь, в это время, сверял взятую в колонии карту с дорожным атласом, который был у них в машине.

– Ну, тут, вроде бы, все близко, – задумчиво протянул Цент, водя пальцем по карте. – Должны засветло успеть. Не хотелось бы лазать в сумерках по незнакомым местам.

Владик этого хотелось еще меньше. Правда, он не знал, что рождает в нем большой страх – перспектива ночной разведки или вообще вся эта затея с поиском сокровищ. Ведь люди в колонии могли обозначить на своей карте отнюдь не те места, где хорошо и безопасно, а как раз наоборот. Что, если там их поджидает невиданная концентрация зомби, или

еще какая-то напасть? Обладай Владик правом принимать решения, он бы прямо сейчас повернул обратно в Цитадель. Тем более что порученное ему задание он выполнил в полном объеме: нашел источник радиосигнала, произвел разведку, не обнаружил на месте ничего опасного или интересного. Можно с чистой совестью возвращаться домой с докладом. Но, к несчастью, решения принимал не он, а хитро просочившийся в его машину князь.

– Может, попытаемся связаться с Цитаделью по рации? – предложил Владик.

– Зачем? – спросил Цент, вместе с картами усаживаясь на водительское сиденье.

– Ну, доложим обстановку, – ответил Владик, тоже забравшись в салон.

– А что мы будем докладывать?

– Расскажем про найденную колонию.

– Про колонию, из которой таинственным образом пропали все люди? Нет, оператор персональной лопаты, прежде чем с кем-то связываться, мы должны все выяснить. Разве тебе не интересно, что произошло с обитателями колонии?

– Немного, – соврал программист. В действительности, любопытство его не мучило. Владик и так был уверен, что с людьми произошло что-то невообразимо ужасное, а мелкие подробности его не интересовали.

– Да ладно, не трясись, – добродушно посоветовал Цент, и осчастливил спутника воодушевляющей затрещиной. – Сей-

час проверим отмеченные на карте места, и, если там ничего интересного, рванем домой. Понимаю, ты истосковался по работе в поле, по простому крестьянскому низкооплачиваемому труду, по отсутствию перспективы карьерного роста. Ты успел основательно привыкнуть ко всему этому. Стабильность существования пришлась тебе по душе. И это можно понять. Живешь ведь как у Христа за пазухой. С утра в поле, взял лопату, и пошел землю ковырять. Тихо, спокойно, безопасно. Счастье – одним словом. А тебе, как счастливому, и часов наблюдать не надо. Рой землю, пока темнеть не начнет. Как начало смеркаться, ползешь в свою конуру, съедаешь невкусный ужин и ложишься спать. Только веки сомкнул – уже утро. И все по новому кругу. Раз за разом. До самой смерти. К такой благодати трудно не привыкнуть. Когда-то почти весь мир так жил, а теперь лишь немногим выпадает подобное счастье. Ты везунчик, властелин прыщей, каких еще поискать. Знаешь об этом?

– Знаю, – произнес Владик мрачным тоном. Выражение лица у него тоже было безрадостное. Понятно, что Цент издевался над ним, но вдвойне большее было от того, что злой князь говорил неприятную правду.

В который уже раз во Владике вспыхнула твердая решимость коренным образом изменить свою жизнь к лучшему, но, как и прежде, он не знал, с чего начать и в каком направлении двигаться. Если бы только кто-нибудь подсказал ему, что делать, а еще лучше – помог начать новую жизнь,

Владик был бы бесконечно благодарен тому благодетелю. Но пока что рядом с ним находился только Цент, а тот, помимо по шее, мог дать только один совет – не будь лохом, развивай крутость. Нет бы, расписать все поэтапно, по пунктам, сделать подробную инструкцию. Нужно ли для прокачки крутости выполнять цепочки заданий, делать локальные и ежедневные квесты, развивать репутацию с фракциями, или та достигается иными путями? Хорошо бы был подробный учебник – «Крутость для чайников».

– Не грусти, лицо с прыщами, все наладится, – усмехнулся Цент, пожаловав слуге повторную затрещину. – Поехали искать тушенку и пиво. Глазом не успеешь моргнуть, как вновь окажешься в поле с любимой лопатой.

Владик вздрогнул после этих слов, потому что глазом можно не успеть моргнуть и в иной ситуации. Идешь себе такой беспечный, а из кустов на тебя бросается зомби. И не успеешь глазом моргнуть, как уже ни глаз, ни носа, но губ – все лицо до костей обглодано, а мертвец уже твой череп расковыривает, чтобы добраться до вкусного мозга.

Обозначенные на карте места действительно располагались недалеко... в масштабах вселенной. На деле же, до ближайшей точки пришлось пилить добрых три часа. Процесс поиска так же усугубился тем, что искомые объекты располагались не вдоль трассы, а непременно в каких-то дебрях. Дороги, соответственно, к ним вели паршивые, ни на каких картах, разумеется, не обозначенные. Поворот, ведущий к

первой точке, наши только с третьей попытки, дважды съездили не туда, притом один раз умудрились застрять в настоящей трясине, раскинувшейся посреди грунтовки. Полчаса многострадальный Владик выталкивал автомобиль из грязевой ловушки, истерзав себя сим сизифовым подвигом, пока Цент не включился в процесс, не наломал сосновых лап и не подсунул их под колеса. После этого полный привод показал свою силу – автомобиль рванул с места, выбрасывая из-под колес килограммы грязи и сосновых иголок, и все это прямо в лицо Владиду. Того так ядрено окатило, что он превратился в грязевика. Из-под толстого слоя стекающей с него земли, торчали только большие влажные глаза, полные страданий.

Затем еще минут сорок ушло на то, чтобы найти источник воды и отмыться. Пускать в салон нечистого денщика Цент не пожелал, вместо этого посоветовал пойти и поискать водоем, а если не найдет, то новое место для жительства, ибо грязнулям в крутой тачке не место. Владик наугад побрел в заросли и, по счастливому стечению обстоятельств, вскоре наткнулся на крошечный ручеек, приведший его к роднику. Вода в нем была ледяная, у Владика от холода несколько раз судорогой сводило руки, но он, тем не менее, выстирал одежду и совершил омовение. А когда уже собрался уходить, заметил на берегу огромные звериные следы.

Дикий ужас объял Владика, ибо он сразу понял, кто на следил у водопоя. Такими огромными лапами обладал лишь

один зверь в этих широтах – медведь. А сколь опасны медведи, и сколь опрометчиво поступает тот, кто злит их, Владик недавно убедился. Посему программист поспешил удалиться, пока не явилось ужасное животное.

Владик вернулся к машине чистым, но ему пришлось топтать к роднику повторно – Цент вручил ему пустую баклажку и велел принести воды, ибо где-то когда-то вычитал, что питье из родников дарует телесную мощь.

– Там медвежьи следы, – сообщил Владик.

– Если попадетсЯ медведь, волоки мохнатого сюда, – приказал безрассудный князь. – У меня к их племени кровные счета.

– Мне бы ружье, – взмолился Владик.

– Ружье не дам. Мне медведь нужен живым. Можешь его палкой оглушить. Палку сам найдешь.

Поскольку Владик крепко сомневался в том, что палка является эффективным оружием против любого зверя, крупнее хомяка, отягощать себя ею он не стал. К счастью, медведь так и не явился на водопой, и программист благополучно набрал воды для изверга.

– А медведь где? – спросил Цент, когда Владик вернулся с полной баклажкой.

– Его там не было.

– Будем считать, что косолапый зассал. Ну, что, его можно понять. Такой богатырь явился. Он как увидел из кустов твои бугрящиеся рельефные прыщи, так его сразу приступ

медвежьей болезни скрутил. Ты опасный парень, Владик – отпугиваешь хищных животных, бабы тоже от тебя шарахаются. Ну, те не из страха, просто брезгуют. Может и медведь тоже? Глянул на тебя, и подумал – ну его, такое жрать, сам, чего доброго, прыщами в три слоя покроешься.

Владику было безразлично, в силу каких причин медведь не пожелал съесть его, он был рад уже тому, что этого не произошло.

К тому моменту, когда они съехали с трассы в третий раз, уже начало смеркаться. Владика тревожили сгущающиеся сумерки. Он не хотел лезть в гипотетически опасное место в ночной темноте. Даже предложил Центу свернуть поиски до утра, вместо чего подыскать тихое и спокойное местечко для ночевки.

– Время еще детское, а ты уже спать собрался, – проворчал князь. Монарх был зол, и чем дольше затягивались поиски, тем в большую ярость он впадал.

– Но ведь скоро ночь, – намекнул Владик. – В темноте опасно.

– Я сердцем чую, что это верная дорога, – заверил его Цент. – Скоро прибудем на место. И если там окажутся живые люди, я все им выскажу в лицо. Не могли указатель, что ли, поставить? Езжу тут по всей округе, ищу их, как дурак. Вот вечно так: вначале выведут человека из себя, а потом обижаются, когда их битой избивают.

– Думаешь, там люди? – спросил слуга.

– Надеюсь. Иначе придется отлупить битой тебя. Кто-то же должен ответить за весь этот бардак.

Уже в сумерках они увидели впереди высокий, темно-зеленый забор, и ворота, распахнутые настежь.

– Что у них тут за привычка двери не закрывать? – удивился Цент, остановив автомобиль в десяти метрах от ворот.

На этот раз он не только взял дробовик сам, но и не забыл о Владике. Огнестрельного оружия слуге не дал, на том основании, что тот еще не дослужился до подобной чести, вместо этого вручил Владиду бейсбольную битку.

– Благородное оружие реальных пацанов, – напутственно произнес Цент. – Не посрами его. Если выпадет биться – бейся с честью. А выпадет погибнуть – с честью погибни. Я в том смысле, что постарайся хотя бы в штаны не наделать.

– Я не очень хорош в ближнем бою, – слезно признался Владик.

– Ну, вот и подучишься. Когда-то же надо начинать. А ствол я тебе не дам, и не мечтай. Ты со своими кривыми руками или сам застрелишься, или меня подранишь, за что я тебя сразу же убью. Оно нам надо, это все? Ты за битку спасибо скажи, я и ее тебе давать не хотел.

Владик сказал спасибо, поскольку бита была все же лучше, чем ничего. А с голыми руками он умер бы от страха еще у машины.

Место, в которое они прибыли, определенно было колонией. Здесь жили люди, причем не так уж и мало. Человек

сорок, или даже больше. В силу наличия рабочих рук, они смогли неплохо позаботиться о безопасности своего дома. Защитную стену возвели из кирпича, и обшили снаружи листами профилированного металла. Имелись четыре башни, выступающие за стены и возвышающиеся над ними на полтора метра. Они были оборудованы пулеметами, что позволяло простреливать весь периметр. В стенах так же имелись бойницы, через которые можно было вести огонь как по мертвецам, так и по живым противникам. Дополняли систему обороны двойные металлические ворота, которые, в закрытом состоянии, сцеплялись между собой, превращаясь, тем самым, в несокрушимую преграду.

– Серьезная крепость, – оценил Цент.

Конечно, по сравнению с Цитаделью это был жалкий форт, но его обитатели сделали для своей безопасности все возможное, разве что не выкопали по периметру ров. Но, судя по всему, даже все принятые меры не слишком-то им помогли.

Ни на стенах, ни на башнях никого не было. Цент с Владиком медленно вошли в распахнутые ворота. Им открылся двор с многочисленными строениями, стоянка, заполненная техникой, и ни одной живой души.

– Где-то я все это уже видел, – промолвил Цент, забрасывая дробовик на плечо. Волшебный топор был заткнут за пояс – с ним Цент старался не расставаться никогда.

– Боже мой! Что же тут творится? – трусливым голосом

проблеял Владик. – Вторая колония, и опять никого. Люди будто просто ушли....

– Давай сначала проверим, – предложил князь. – Вдруг кто-нибудь дома?

Но вскоре стало ясно, что в колонии никого нет. Вновь в помещениях был полный порядок, все вещи, в том числе и личные, остались на своих местах. Местные обитатели будто дружно встали и ушли в неизвестном направлении в том, в чем были, побросав все свои дела.

– Чертовщина какая-то, – сделал вывод Цент, вываливаясь из очередного осмотренного дома.

Владик ждал его во дворе, напуганный и жалкий. Биту прижимал к себе, как ребенок куклу. К тому моменту на мир уже опустилась полноценная ночь, и Владiku непрерывно чудилось, что из сгустившейся вокруг тьмы к нему подбираются ужасные монстры, жаждущие сочной плоти юного программиста.

– Думаю, на сегодня с нас путешествий хватит, – постановил князь.

– Мы уезжаем, да? – обрадовался Владик, которому это место внушало дикий ужас. Он нутром чувствовал, что за таинственным исчезновением людей стоит что-то невысказанно злое, и не хотел дожидаться его появления.

– Куда уезжаем? – удивился Цент. – Здесь заночуем.

– Здесь? – пропищал программист.

– Конечно. Но если ты не хочешь спать под крышей в кро-

вати, можешь выйти за ворота, и утroitся на голой земле.

– Это место.... Здесь произошло что-то ужасное. Как же мы останемся здесь? А вдруг....

Владик не договорил, потому что ему было страшно даже произнести это вслух. А сказать он хотел о том, что, оставшись в этом месте, они могут разделить судьбу обитателей колонии, и тоже пропасть. То есть, не совсем пропасть. В никуда никто не пропадает, просто перемещаются из одного места в другое. Вот и они переместятся прямо в логово невообразимых чудовищ, где плач, скрежет зубовой и людей заживо едят. Маленькими кусочками и с ног.

– Очкарик, ты как хочешь, а я никуда не поеду, – принял окончательное решение Цент. – Тут все условия для комфортного проживания, а я не хочу вторую ночь в машине спать. А если по наши души пожалуют силы ада, мы с тобой не дрогнем, и дадим им такой отпор, что мало не покажется.

Владик хотел уточнить, кому именно не покажется мало, силам ада и им самим, но потом решил, что это неважно. Он даже с обычными живыми врагами был не боец, куда уж ему тягаться с адским воинством? Нагрянет сила inferнальная, он как увидит ее, так и помрет на месте от страха. И это, кстати, будет неплохим выходом из положения. Все лучше, чем живым оказаться в лапах ужасных демонов. Уж Владик-то знал, каково это. Благодаря Центу. Тот, правда, по паспорту демоном не являлся, но по сути своей вполне соответствовал всем адским стандартам.

– Загони во двор тачку и запри ворота, – повелел князь, выбирая домик для ночлега.

Владик повернулся к Центу спиной, и в этот момент изверг во всей красе проявил свою сатанинскую натуру – как заорал диким криком, у программиста от ужаса ноги подломились.

– Сиденье в машине не испачкай, – посмеиваясь, бросил князь агонизирующему страдальцу. Владик корчился на земле, пытаясь прийти в себя. Как будто мало вокруг ужасов, так теперь и шутник из преисподней взялся его пугать. И у него, надо признать, здорово получалось. Несчастный программист пережил такой накал ужаса, что на ноги сумел подняться только через пять минут, а живот отпустило через десять.

Пока Владик восстанавливал жизненные функции организма и выполнял полученные приказы, Цент выбрал наиболее приглянувшийся домик, нашел внутри керосиновую лампу и зажег фитиль. В колонии имелись генераторы, о чем свидетельствовала электропроводка и лампочка под полотком, но искать их в темноте не было никакого желания. К тому же Цент не планировал обжиться здесь, а переночевать можно и без света.

Вернулся Владик, все еще бледный и привычно ароматный, отдал ключи от машины, и сообщил, что запер ворота.

– Молодец, – похвалил его Цент. – Накрывай на стол. Еда вон там, в ящике. Местные обитатели были так любезны, что

оставили нам все свои припасы.

При свете керосинки Владик выставил на стол консервы, сухари и бутылку водки. Столовые приборы обнаружили здесь же.

– Ну, что, торжественно объявляю поздний ужин открытым, – провозгласил Цент, подсев к столу. – Не стесняйся, очкарик, налегай на тушенку, благо она чужая и ее не жалко. Чужое всегда вкуснее, чем свое. А если ты это чужое не просто нашел, а силой отнял, а прежнего владельца сурово покалечил, или вообще убил, то вкусовые качества провизии усиливаются многократно.

Владик тушенку, конечно, любил, хоть и нечасто видел ее на своем столе, но аппетит изрядно портила жуткая обстановка. Программиста не оставляло ощущение, местами переросшее в уверенность, что они зря остановились здесь на ночь. Поэтому кушал он вяло, почти через силу. От страха ему натурально кусок в горло не лез.

А вот у Цента будто открылся второй желудок. Князь опустошал одну консервную банку за другой, сухари засыпал в рот горстями. Дабы увлажнить сухомятку, славно приложился к бутылке с водкой.

– Будешь? – спросил он у Владика, протягивая ему емкость с огненной водой.

– Нет, спасибо, – отказался программист.

– Выпей, – настоял князь. – Для храбрости. Хоть трястись перестанешь.

Владик поддался уговорам, и принял грамм пятьдесят. Не помогло. Храбрости не прибавилось ничуть.

Покончив с ужином и выкурив на крыльце сигарету, Цент запер дверь и улегся на кровать в одежде и обуви, поставив керосинку рядом с собой, на тумбочку, откуда предварительно смахнул на пол какие-то фотографии в рамках. Волшебный топор князь положил по левую руку, дробовик прислонил к стене рядом с кроватью. Вытащил из-за пояса пистолет, проверил обойму и сунул оружие под подушку. По-хорошему следовало бы поставить растяжку на входе, но Цент решил не горячиться. Темные силы такой ерундой не остановишь, скорее сам на ней подорвешься поутру, когда сонный и зевающий отправишься по нужде.

Владик занял кровать напротив, и теперь ворочался на ней, пытаясь найти удобное положение для своего тщедушного тела. Положение упорно не находилось, и Владик начал подозревать, что во всем виновата расшатанная нервная система.

– Что-то не спится, – заметил Цент, ковыряясь ногтем мизинца в своих крепких зубах, между которыми застряли куски тушенки.

Программисту тоже не спалось. Его мучило тягостное предчувствие, что в эту ночь с ним непременно произойдет что-нибудь ужасное. Он со страхом смотрел на дверь, запертую на два хлипких шпингалета, и, холодея, представлял, как та внезапно распаивается, и в избушку вползает зловещая

тьма, протягивает к нему свои щупальца, разверзает полную зубов пасть....

– Давай, что ли, страшилки рассказывать, – предложил Цент.

Владик содрогнулся. Только этого и не хватало. Он и без всяких страшилок чуть живой от ужаса.

– Может, не надо? – предложил программист.

– Да ведь скучно, – проворчал князь. – Чем тут еще заняться? Ни телевизора, ни баб, даже морду набить некому. Давай, начинай. Ты первый.

– Я не знаю страшилок, – признался Владик.

– Как? Совсем ни одной?

– Ни одной.

– Ну, ладно. Тогда я начну. Доводилось ли тебе слышать историю про гроб на колесиках?

– Нет.

– Тогда слушай. Жил на свете мальчик по имени... ну, скажем, Владик. И вот однажды темной ночью, такой, примерно, как и сейчас, раздается в его квартире телефонный звонок. Мальчик Владик снимает трубку и слышит зловещий голос: Владик-Владик, гроб на колесиках ищет твой город.

Ну, Владик не сильно испугался, подумал, что это кто-то хулиганит. И напрасно. Потому что не прошло и минуты, как вновь раздался телефонный звонок. Снимает мальчик Владик трубку, и слышит оттуда демонический глас: Вла-

дик-Владик, гроб на колесиках ищет твою улицу. Тут уже Владик встревожился, но все равно паниковать не стал. И весьма напрасно, доложу я тебя. Потому что через минуту вновь зазвонил телефон. Снимает Владик трубку, и слышит голос замогильный: Владик-Владик, гроб на колесиках ищет твой дом.

Мальчик Владик уже хотел трубку бросить, но тут все тот же замогильный голос говорит: подожди, дом уже нашел. Теперь гроб на колесиках ищет твою квартиру.

Не успел мальчик Владик опомниться, как слышит громкий стук в дверь. Подошел он к двери и спрашивает: кто там?

Тишина в ответ. Тогда мальчик Владик поднялся на цыпочки и заглянул в глазок. А увидел там....

Цент сделал драматическую паузу, нагнетая интригу, и вдруг свет в избе погас. В воцарившейся темноте раздался пронзительный визг Владика, затем грохот, звон, новые крики программиста. Цент выждал минуту, после чего вновь зажег фитиль в погашенной им же керосинке.

В домике царил полнейший разгром. Стол и стулья были опрокинуты, на полу валялись рассыпавшиеся сухарики, пустые консервные банки, посуда и столовые приборы. Владик сидел, забившись в угол, бледный и заплаканный. Его трясло, из носа водопадом низвергалась вязкая субстанция, успевшая залить и подбородок, и грудь. Взгляд у страдальца был дикий, безумный, будто бы он только что увидел свой самый страшный кошмар.

– Эка тебя пробрало, – заметил Цент. – Первый раз наблюдаю столь бурную реакцию на страшилку. Сразу видно, что ты никогда не бывал в лагере.

– В пионерском? – глотая слезы, уточнил Владик, медленно приходящий в себя после пережитого потрясения.

– И в пионерском тоже. Ладно, раз тебе так заходят страшилки, лови следующую. Эта история про зеленые шторы. Жила-была маленькая девочка, и звали ее, предположим, Владик. Ну, то есть, на самом деле, это был мальчик, но все вокруг его принимали за девочку. Он и одевался, как девочка, и вел себя, как девочка, играл не в солдатиков, а в куклы. Короче, такой вот мальчик странный.

И вот однажды родители купили девочке Владиду зеленые шторы. Ну, купили и купили, зеленые и зеленые. Казалось бы. Но жила в их доме одна старуха, страшная такая, горбатая, вся в бородавках, и вот однажды говорит она девочку Владиду: девочка-девочка, знаешь что?

А девочка и спрашивает: что?

А старуха ей в ответ....

Цент опять выдержал грамотную паузу, а потом заорал что есть мочи невыносимо страшным голосом:

– Смерть тебе! Умри! Сдохни! Гори в аду!

Только что сумевший подняться на ноги Владик вновь оказался на полу, рыдая, икая, и трясаясь от ужаса. За полтора года карьеры землекопа он успел забыть, что за человек Цент, и как весело бывает проводить с ним время.

– Следующая история про красные носки, – сказал князь. – Жил был мальчик Владик, но не тот же самый, а другой. И вот однажды, на день рождения, подарили ему красные носки....

Владик был уверен, что он не переживет эту ночь. Часов до двух Цент травил свои страшные истории, и каждой из них умудрялся ввергнуть Владика в ужас. Казалось, не будет конца этому истязанию, но в какой-то момент Цент прикрыл глаза, замолчал и захрапел. А Владик еще долго лежал на кровати с широко распахнутыми глазами, потный, бледный, чуть живой, и ему мерещилось, что со всех сторон к нему подбираются гробы на колесах, зеленые шторы, красные носки и еще множество ужасных предметов, сгубивших немало маленьких мальчиков и девочек. Ни один, даже самый страшный фильм ужасов, не повергал Владика в состояние столь всеобъемлющего и тотального кошмара. Несчастному программисту казалось, что он вообще больше никогда не сможет заснуть, ибо стоило закрыть глаза, как сразу же охватывал невыносимый страх. Так он и лежал в вытаращенными глазами почти до самого утра, слушая мелодичный храп Цента и с трепетом ожидая, когда гроб на колесиках и красные носки явятся по его душу.

Сон сморил Владика лишь тогда, когда за окном забрезжил рассвет. Программист забылся беспокойным сном, но и тот не продлился долго. Казалось бы, только сомкнул веки, как уже был зверски разбужен. Цент не стал церемониться

со своим денщиком, и выплеснул на того спящего ведро ледяной воды.

– А еще удивлялся, почему у нас в Цитадели так плохо развивается сельское хозяйство, – заметил князь, не обращая внимания на горестные рыдания мокрого слуги. – Теперь-то мне все ясно. Если главный землекоп является эпическим лентяем, и предпочитает сладкий сон ударному низкооплачиваемому труду, то где тут достичь рекордных урожаев картофеля и огурцов?

– Что случилось? – спросил Владик, стаскивая с себя сырую одежду, чтобы отжать ее от воды. Не проснувшись до конца, он, наивный, решил, что у Цента была какая-то веская причина окатить спутника из ведра. Забыл, страдалец, что для подобных поступков Центу причины не нужны.

– Случилось нечто ужасное! – воскликнул князь. – Я, значит, просыпаюсь, открываю глаза, и что же вижу?

– Что? – тупо спросил Владик.

– Завтрака на столе нет, холоп бесправный наглým образом спит. Я как увидел это, у меня в очах потемнело.

– Я заснул только под утро, – попытался оправдаться Владик.

– На твоём месте я бы вообще не ложился, – заявил Цент. – У тебя очень плохая репутация, Владик. И, вместо того, чтобы попытаться заслужить расположение князя усердным служением и сладкой лестью, ты позволяешь себе возмутительным образом спать. Берегись, Владик, такое по-

ведение не доведет тебя до добра. Думаешь, раз ты землекоп, то ниже падать некуда? Ошибаешься. Я найду, куда тебя разжаловать. Специально для тебя какую-нибудь отвратительную должность придумаю. И норму продовольствия урежу. Вчетверо. Ну, что ты уставился на меня? Вставай уже, готовь завтрак. Или хочешь лидера нации голодом уморить?

Пока Владик торопливо накрывал на стол, Цент вышел наружу покурить. При свете дня колония выглядела вполне мирно, но Цент прекрасно понимал, что это обманчивое впечатление. Некая сила заставила людей покинуть свой дом и уйти в неизвестном направлении, и к этому явно были непричастны ни обычные зомби, ни живые люди. Цент не хотел даже думать об этом, но очевидное объяснение само пришло на ум – таинственные исчезновения людей являются делом рук древних темных богов. Либо же каких-то их подручных демонов.

Цент всегда знал, что темные боги, начавшие пробуждаться от тысячелетнего сна, не оставят его в покое, но все же, в глубине души надеялся, что ему повезет и больше ни один монстр не вылезет из небытия, чтобы портить жизнь пришедшему к успеху конкретному пацану. По крайней мере, рассчитывал, что это произойдет не на его веку, а уж после хоть пожар, хоть потоп – Цента мало заботило благополучие грядущих поколений. О его поколении никто не позаботился, вот и остальные пускай сами выкручиваются. Но, похоже, удача отвернулась от бывшего рэкетира. Полтора года про-

жил, как в раю, никем не тревожимый, и вот опять начинается какой-то замес.

– Кушать подано, – сообщил появившийся на крыльце Владик.

– Иду, – сказал Цент, бросив под ноги окурок. – И не забывай прибавлять мой титул, чай не к коллеге-землекопу обращаешься, но к особе коронованной.

– А какой у тебя титул? – спросил Владик. Не потому, что не знал, просто Цент придумывал себе новые титулы в режиме реального времени, и за полтора года успел насочинять их сотен пять.

– Ты можешь обращаться ко мне – ваше высокопревосходительство, ибо мое превосходство над тобой действительно высоко. Да, так и обращайся: ваше высокопревосходительство, милостью божьей князь Цитадели и окрестностей, защитник сирых, утешитель несчастных, не товарищ голодным, Цент Первый Мудро-добро-великий.

– Я все это с первого раза не запомню, – признался Владик.

– А второго может и не быть, – предупредил суровый правитель. – И я еще, между прочим, не слышал от тебя ни одной благодарственной речи.

Цент прошел мимо Владика и уселся за стол, дабы прижаться завтраку. Тот был непривычно скуден, в Цитадели князь привык, что утренняя трапеза своим размахом похожа на пир. А тут пришлось давиться сухарями и холодной

тушенкой. Даже горячего чая с пирогом, и того не было.

– Что такое благодарственная речь? – спросил неопытный в придворных делах Владик.

– Это речь подданного, охваченного сыновьей любовью, кою обращает он к господину своему. В речи сей полагается низжайше благодарить повелителя за все.

– За что – все? – не понял Владик.

– Вообще за все. За то, что солнце светит, за то, что вода мокрая, за то, что я у вас есть и позволяю любить себя. В принципе, за что именно ты хвалишь повелителя, не имеет принципиального значения. Просто хвали. Яростно, неудержимо, со слезами на глазах, запинаясь от волнения. Не позволяй никому останавливать себя, и даже если повелитель деликатно попросит тебя прекратить – не прекращай. Всем видом своим дай понять, что молчать не можешь, что слова искренней благодарности рвутся из тебя, как газы после трех тарелок горохового супа. И, поверь мне, твоя похвала не останется незамеченной. Произнеся хорошую десятиминутную благодарственную речь, ты вполне можешь рассчитывать на княжескую милость. А ведь оно, в самом деле, работает. Вроде и понимаешь, что нахваляющийся тебя человек обычный подхалим, и говорит все это из одних только меркантильных побуждений, но, черт возьми, приятно. Вот чему тебе нужно учиться. Познал бы науку восхваления любимого князя, не торчал бы в поле с лопатой. Как пришел бы в терем, как воспел бы мне дифирамбы, и, глядишь, уже не землекоп,

а заместитель заведующего продовольственным складом.

Уча Владика уму-разуму, Цент параллельно завтракал. Программист стоял рядом и честно пытался мотать на ус. Получив дельный совет, решил воспользоваться им немедленно.

– Спасибо за то, что съел завтрак, – забубнил он пономарем. – Спасибо за то, что сидишь на стуле....

Цент покосился на слугу и проворчал сквозь зубы:

– Вот с таким восхвалением ты ко мне не приходи – велю казнить. Мой тебе совет – потренируйся вначале перед зеркалом, потом перед друзьями. Это сложная и тонкая наука, ею с ходу не овладеть.

Забросив в рот последний кусок тушенки, Цент швырнул пустую банку на пол и сказал:

– Так, я позавтракал, ты, гляжу, не голодный. Пора в дорогу. Но для начала нужно сделать одно важное дело.

Важное дело заключалось в том, чтобы спасти обнаруженные в покинутой хозяевами колонии запасы провизии. К счастью, в этот раз Владика не пришлось таскать консервы далеко в лес. Среди имеющегося в колонии транспорта обнаружился грузовик, который, как показала проверка, был на ходу. Его-то Цент и приказал загрузить съестным, а после отогнать подальше и спрятать в укромном месте.

Глядя на то, как Владик таскает в грузовик со склада ящики с консервами, Цент радовался. Но радость князя была омрачена творящейся вокруг чертовщиной. Загадочные ис-

чезновения людей определенно были делом рук темных сил. И Цент понимал, что если не разобраться с этим сейчас, ситуация, в дальнейшем, станет только хуже. Темные силы отличались ненасытностью, им всегда и всего было мало. Взявшись похищать людей, они, рано или поздно, доберутся до самого крупного скопления двуногой биомассы – до Цитадели.

Цент не хотел дожидаться, пока враг окажется у его ворот. Уж лучше самому явиться незваным гостем в логово сил тьмы и положить конец творимым ими бесчинствам.

Грузовик с консервами отогнали подальше от колонии и спрятали в лесу. После того, как тушенка была благополучно спасена, Цент направил автомобиль к третьей точке, обозначенной на карте. Он уже догадался, что обнаружит там еще одно поселение. Судя по всему, между тремя колониями существовала связь, возможно, даже действовал какой-нибудь договор о дружбе и взаимопомощи. Вот только не больно-то им это помогло. Либо они не успели предупредить друг друга, либо подверглись нападению одновременно. Да и было ли нападение? Никаких следов боя Цент не нашел, и все указывало на то, что люди покинули свои колонии добровольно. Во что, конечно, верилось с трудом.

Третий объект тоже пришлось поискать – как и следовало ожидать, он был расположен в изрядной глуши, куда вела плохая извилистая дорога, а съезд на нее было не так-то легко заметить. Но в этот раз Цент проявил внимательность,

и попал туда, куда нужно, с первой попытки.

Когда впереди замаячила стена и распахнутые настежь ворота, Цент даже не предпринял попытки удивиться.

– Номер три, – констатировал он, останавливая машину на въезде в поселение. – Думаю, можно даже не проверять. Я и так знаю, что мы застанем внутри.

И все же, порядка ради, они, вооружившись, вошли внутрь. За воротами их ждала до боли знакомая картина – жилые домики, складские помещения, стоянка с техникой и полное отсутствие людей. Пока Владик топтался во дворе и боялся за двоих, Цент пошарил по сусекам, и выяснил, что все вещи на месте, в арсенале полно оружия, а склад забит едой. Не было ни следов нападения, ни следов панического бегства. Люди просто встали и ушли. И будто растворились в воздухе.

– Святые девяностые! Да что за хрень тут делается? – проворчал Цент, вываливаясь из последнего по счету осмотренного помещения с бутылкой коньяка, торчащей из кармана, и блоком сигарет в руке. Князь был чрезвычайно талантлив, и умел мастерски совмещать два разных дела, к примеру – разведку и мародерство. Впрочем, Цент никогда и не считал, что это два разных дела.

– Нам надо возвращаться в Цитадель, – занял Владик. – Или связаться с ней по рации.

– Это подождет, – отмахнулся Цент. – Прежде нужно понять, что здесь происходит. Мне все это решительно не нра-

вится.

– Мне тоже, – признался Владик.

В ходе осмотра поселения они обнаружили сетчатый вольтер, в котором, судя по всему, содержались какие-то животные. По разбросанным повсюду перьям и обильно наличествующему помету, Цент заключил, что обитатели колонии держали у себя кур. Однако тех в загоне не было, ни живых, ни мертвых.

Затем, уже за пределами защитной стены, отыскивали небольшой огород. Тот был вскопан, и, возможно, засеян, вот только земля на грядках была какого-то странного черного цвета и пахла гнилью.

– Эй, землекоп, что это? – спросил Цент, ковыряя носком ботинка черноту, покрывшую почву тонким слоем.

– Я не знаю, – ответил Владик, со страхом глядя на черные грядки.

– Никакого от тебя толку. Я думал, ты, будучи экспертом в области сельского хозяйства, хотя бы здесь окажешься полезен.

– Но я такого никогда не видел, – признался программист. – Как будто грядки чем-то засыпали. Чем-то черным.

– И воняет это что-то какдохлая кошка, – заметил князь. – Ладно, пошли отсюда.

В третьей колонии так же обнаружился запас провизии, но его почему-то Цент спасти не пожелал. Бывший рэкетир и ныне действующий князь все больше хмурился. Он бродил

по двору с задумчивым видом, куря одну сигарету за другой. Владик стоял в сторонке, с вопросами не лез, и терпеливо ждал, что же решит мудрый правитель. Впрочем, программист наперед чуял, что решение это не придется ему по вкусу.

Через двадцать минут напряженных размышлений Цент прекратил нарезать круги и направился к воротам. Владик поспешил следом за ним.

– Что теперь? – рискнул спросить он. – Возвращаемся, да?

– Нет, крестьянин, мы не возвращаемся, – грубо ответил ему самодержец.

– А что же тогда? – растерялся Владик.

– Я тебе скажу – что. Садись в тачку и не доставай меня глупыми вопросами. Но перед этим возьми из багажника канистру и набери бензина вон из той бочки. Топливо понадобится, ибо путь нам предстоит неблизкий, полный трудов и опасностей. Лишь отважные герои выдержат его, а вот у всяких трусов и слабаков шансов уцелеть практически нет. Понимаешь, к чему я клоню?

Владик понимал. Цент уже не в первый раз пророчил ему гибель. Не в первый, и, надо полагать, не в последний.

Глава 5

Они мчались по трассе уже добрых три часа, когда Цент внезапно сбросил скорость, съехал на обочину и заглушил двигатель. Взяв с заднего сиденья бинокль, он решительно полез наружу.

Встревоженный Владик быстро спросил у начальника экспедиции:

– Что-то случилось?

Князь не удостоил его ответом. Покинув салон, он влез вначале на капот, а с него перебрался на крышу автомобиля, и уже оттуда, с высоты, обозрел окрестности сквозь оптику. Зоркие очи не подвели бывшего рэкетира. Прямо по курсу, километрах в трех от них, раскинулся небольшой городок. Трасса, судя по всему, проходила прямо сквозь него.

На хорошей тачке (а на других Цент себе ездить не позволял) проскочить сквозь деревню не составило бы труда. Зомби там немного, и они, в любом случае, не успеют сбежать к дороге в опасном количестве. Но вот город, пусть и маленький, дело другое. Переть сквозь него всегда риск, зачастую совершенно неоправданный. К тому же, если поискать, обязательно отыщется обходной путь.

Владик тоже выбрался из машины и, задрав голову, вопросительно уставился на Цента. Тот стоял на крыше автомобиля в величественной позе, и дерзко смотрел вдаль, вы-

смаатривая новые приключения.

– Что случилось? – повторил свой вопрос Владик.

Цент слез на землю, бросил в салон бинокль и сказал:

– Предлагаю перекусить. Кто за это? Я за это! А поскольку кроме меня в нашем коллективе никто не обременен почетным правом голоса, предложение принято единогласно.

Владик шумно выдохнул. Он-то боялся, что Цент заметил на горизонте какую-то опасность, но на самом деле, князя всего-то разобрал внеплановый жор.

– Накрывай на стол, землекоп, – бросил ему Цент, а сам, закурив, прошелся по трассе. – И потрудись уделить внимание подобающей монарха сервировке. Хрусталя и серебра не требую, все понимаю – в походных условиях не до роскошеств. Но уж мою ложку ты, будь любезен, помой и вытри насухо.

– Что мы будем делать дальше? – спросил Владик, раскладывая снедь на капоте.

– Очевидно же, мой интеллектуально оскудевший спутник – мы перекусим.

– Нет, я не о том. Каковы наши планы?

Цент подошел к капоту, взял услужливо открытую верным холопом банку тушенки, вооружился своей любимой большой ложкой и принялся за дело.

– Планы, очкарик, у нас грандиозные, – ответил он с набитым ртом.

– Не лучше ли будет вернуться в Цитадель? – осторожно

намякнул программист.

– С какой целью? – удивился князь, зачерпывая полную ложку зеленого горошка и ссыпая его в свой безразмерный рот. Горошины посыпались какие в разверстую пасть, какие мимо, на асфальт. Пара штук закатилась Центу под одежду.

– Ну, там безопасно. И мы сможем сообщить остальным....

– Что сообщать-то? – перебил его Цент.

– Ну, о том, что некая сила похищает выживших людей из колоний....

Откупорив баночку пива, князь ополовинил ее одним глотком, и проворчал:

– В том-то и дело, прыщавый, что некая сила безобразничает. Нам не прятаться надо, подобно трусам жалким, нам надо выяснить, что это за сила. Или ты думаешь, что в Цитадели так уж безопасно?

Владик пожал плечами. Про себя же он подумал, что в крепости точно безопаснее, чем за ее пределами. Там хотя бы высокие крепкие стены, а на тех стенах вооруженные люди. Здесь же у него одна защита – Цент. А этот пораженный крутостью субъект запросто может и не захотеть защищать своего спутника.

– От обычных зомби там отсидеться можно, – сказал Цент. – Да и то, смотря в каком количестве навалятся, нехристи просроченные. Но тут ведь явно не зомби орудуют. Тут что-то другое. Что-то новенькое.

– Древние боги! – выпалил Владик, произнеся, наконец, эти страшные слова. Произнес, и сам испугался.

Цент сурово нахмурился – судя по всему, эта версия и у него была в приоритете.

– Это они, – панически забормотал Владик, округлив глаза и нервно обхватив руками свое худосочное тельце. – Я это знаю. Чувствую.

– Ты еще в штаны за столом навали, экстрасенс прыщавый, – фыркнул Цент, с отвращением глядя на ввергнутого в ужас спутника. – Чувствует он. Еще ничего неизвестно, вот и нечего себя попусту накручивать. А даже если ты и прав, и тут действительно орудует какой-то бог, тем более надо это выяснить и беспредел пресечь. Я этот мир со всяким ископаемым отстоем делить не хочу. Тоже мне, боги. Я понимаю, наш, русский Иисус. Вот это отличный бог. Что ни делай, он ни во что не вмешивается. Не забывай только на храм жертвовать, ну и крестик, там, на шею надень, три иконки на торпеду прилепи. Одухотворись, одним словом. А эти, блин, вылезали из своих могил, и давай гадить, будто после тысячелетнего запора. Не надо нам таких активных богов. Отыщем их, и чисто конкретно завалим.

Владик не стал говорить суровому князю, что в бою с богом у них нет никаких шансов. Цент, конечно, был уверен, что это не так, все же двух божеств на свой счет он записал. Но в том-то и дело, что тех богов удалось победить лишь благодаря невероятному везению. Кошей был еще слишком

слаб после пробуждения, а второму богу Цент даже пробудиться не дал. Но что они смогут противопоставить всемогущему существу, вошедшему в полную силу? Возможно, его и удастся убить волшебным топором, в чем лично Владик крепко сомневался, но было бы верхом наивности думать, что бог просто возьмет и подставится под секиру.

– Прежде, чем впадать в панику, нужно выяснить, с чем мы имеем дело, – постановил Цент, небрежным жестом приказывая слуге убирать со стола. – А для этого было бы не худо опросить свидетелей. Ты хотел знать, в чем заключается наш план? Отвечаю тебе: наш план заключается в том, чтобы найти людей. Начнем с этого. Авось они что-нибудь расскажут.

– А если не расскажут?

– А если они не расскажут, – свирепо прорычал злобный князь, – я буду их бить до тех пор, пока не вытрясу из них все – правду, дерьмо, душу.... Все!

– Но ведь они действительно могут ничего не знать, – предположил Владик. – Нельзя же истязать невинных.

– Да можно, – отмахнулся Цент. – Я сто раз так делал.

Владик смиренно уронил голову, и понес еду в багажник. Сколько Цента ни корми, он все равно людоед. Спит и видит, как бы кого схватить и умучить. И, ладно бы, за дело, или в силу возникшей необходимости. Нет же, он исключительно ради удовольствия, себе в радость. Хочется ему расправы учинять, и все тут.

– Поймаем людей, свяжем их, сунем в багажник, – вслух отдался мечтаниям князь, – отвезем в тихое местечко. Предпочитаю пытаться на лоне природы, на берегу лесного озера, среди березок. Свежий воздух, костерок, истошные крики невыносимой боли – бывает ли что-то лучше этого?

Владик хотел сказать, что бывает, и немало, но тут и он сам и князь-садист услышали звуки, которые без труда опознали как выстрелы. Те, судя по всему, доносились из городка, который лежал прямо по курсу.

Вначале били одиночными, затем пошли лупить очередями и в несколько стволов. Цент отбросил сигарету и вышел на дорогу, внимательно прислушиваясь к звукам боя. Владик, трусливо вздрагивая, терся рядом с ним.

– Там люди, – сказал он тихо. – Живые.

– Да, – согласился Цент. – И тупые.

– Почему?

– Потому что сунулись в город. Были бы умные, объехали бы его большим кругом.

Владик посмотрел на князя и спросил:

– Что мы будем делать?

Цент нехотя произнес:

– В иной ситуации я бы не делал ничего. Но, как уже сказал, нам нужно потрещать с местными. Придется вмешаться и спасти хотя бы одного. Лучше, конечно, двух или трех. Пытать нужно коллективно, так эффективность выше.

Цент подошел к автомобилю, вытащил из багажника ав-

томат и протянул его Владиду.

– Держи, очкарик, – сказал он. – Ты уже большой ребенок. Пора тебе становиться мужчиной.

Следом за автоматом он вручил побледневшему Владиду четыре пустых рожка к нему, а так же выдал коробку, набитую патронами.

– Заряжай, – приказал Цент, извлекая из багажника свой любимый дробовик. – Там будет некогда.

Владик трясущимися руками стал вставлять патроны в рожки. Он догадался, что задумал дикий князь. Тот планировал ехать в город. В город, откуда неслась несмолкаемая стрельба. Судя по всему, живые люди вели там бой с мертвецами.

Цент зарядил дробовик, рассовал патроны по карманам, затем вытащил из багажника деревянный ящик и осторожно снял с него крышку. Внутри оказались гранаты, штук, примерно, двадцать, проложенные пучками сухой травы. Когда Владик увидел, какой смертоносный груз они все время возили с собой, то едва не намочил порох.

Гранаты Цент забрал в салон, туда же взял дробовик и пару пистолетов. Владик хотел сесть вперед, но князь повелел ему разместиться сзади.

– Спереди ты мне мешаться будешь, – объяснил он. – Я в бою горяч, своих от чужих не отличаю. Могу пристрелить ненароком. Да и тебе сзади вольготней. Ну, погнали, пока тех дураков всех не загрызли. Готов геройствовать?

Вот чего-чего, а готовности к геройствам Владик не чувствовал. Вновь навалилась тоска по простой и безопасной крестьянской жизни, но автомобиль уже сорвался с места и понесся по дороге, вперед, навстречу битве.

Город начался внезапно с ряда трехэтажных домов, протянувшихся вдоль трассы. Владик увидел ветхую автобусную остановку, несколько брошенных автомобилей, и поворот, ведущий вглубь поселка. Стрельба неслась оттуда. Похоже, били минимум из трех стволов.

– Приготовься, – сухим тоном скомандовал Цент, сворачивая с трассы.

Владик потной трясущейся ладонью вцепился в цевье автомата. Ох, отвык он от этого за полтора-то года, основательно отвык. Уже забыл, какой это невыносимый ужас – прущая на тебя толпа зомби.

Долго искать источник стрельбы не пришлось. Поселок был невелик, и состоял из десятка трехэтажных домов, да обширной частной застройки. Как и во всех подобных городках, сердцем поселка был магазин. Его-то Цент с Владиком вскоре и увидели. И его, и все остальное.

– Боже! – простонал программист, едва не выронив автомат из рук.

Сотни мертвецов яростно осаждали здание магазинчика. Осаждали упорно, целеустремленно и весьма проворно. За два минувших года зомби заметно изменились, и уже не были теми медлительными и вялыми существами, что броди-

ли по улицам сразу после конца света. Ныне эти твари могли и бегать, и прыгать, и, что особенно пугало, действовать слаженно. Вот и здесь они проявили завидный коллективизм. Мертвецы, прижатые к стенам магазина, не копошились, но стояли смиренно, позволяя идущим следом лезть по себе наверх. Поскольку магазинчик был невысокий, достигнуть крыши таким манером было не слишком трудно. И зомби давно забрались бы на нее, если бы им не мешали.

На крыше были люди. Несколько. Сколько именно – Цент не разглядел. Они безостановочно метались туда-сюда, ведя огонь по мертвецам, что пытались добраться до них. Один из людей, крупный широкоплечий мужик, орудовал ломом, и небезуспешно. Бил умело, экономно, не растрачивая силы попусту, но в какой-то момент увлекся и потерял бдительность. Сшиб с крыши одного мертвеца, но не заметил второго, что набросился на него и впился зубами в горло. Товарищи, конечно, подоспели и пристрелили зомби, но было поздно.

– Как же их много! – простонал Владик, у которого от зловещего рычания чудовищ прихватило живот.

– Угораздило же этих идиотов! – проворчал Цент. Он прекрасно видел, что людям на крыше магазина жить осталось считанные минуты. Мертвецы вот-вот хлынут всей массой, и тогда всем крышка.

– Что мы будем делать? – спросил Владик, очень надеясь, что Цент решит плюнуть на людей и поехать дальше своей

дорогой. Но князь поступил иначе.

– То, зачем явились, – резко ответил он, открыв дверь автомобиля и схватив из ящика четыре гранаты.

Тем временем, дела у людей на крыше магазина стали совсем плохи. Зомби начали забираться к ним быстрее, чем их успевали сбрасывать вниз. Вот еще один защитник упал, разразившись страшным криком, от которого у Владика расплескалась отвага. На него навалились сразу два мертвеца, но в этот раз никто из товарищей не пришел к нему на помощь. Тем и самим хватало работы.

Понимая, что еще немного, и все обитатели крыши пойдут на корм, Цент зычным голосом привлек к себе внимание тухлой братии.

– Эй, несвежие! – гаркнул он.

Его услышали. Зомби прекратили яростно лезть на магазин, и повернулись в сторону новой порции еды. Ожидали, видимо, что Цент еще что-нибудь скажет, но тот предпочел предоставить слово своим осколочным друзьям.

Гранаты, одна за другой, полетели в густую толпу нежити. Не успели мертвецы опомниться, как загремели взрывы. В воздух взвились куски тухлого мяса и брызги гноя, а Цент уже запрыгнул в машину и повернул ключ зажигания.

– Сейчас за нами побегут, – радостно сказал он бледному Владиду. – Они побегут, а ты в них стреляй, не жалея патронов.

Впрочем, недолго князю довелось радоваться. Надежный

и дорогой автомобиль, сама крутость в металле, вдруг отказался заводиться. Цент дернул ключ зажигания раз, дернул два, после чего, матерясь, бросился наружу. Остаться в автомобиле не имело смысла, на него уже неслась огромная орда мертвецов.

Увидев их, Владик пронзительно завизжал, и открыл огонь из автомата. И только когда осколки стекла полетели в него, раня кожу на лице, сообразил, что забыл опустить окно. Цент уже убежал прочь, и программист понял, что нужно не засиживаться, а следовать примеру повелителя. Он бросил оружие, вывалился из салона, и тут же едва не стал жертвой зомби.

Мертвецы наваливались со всех сторон, обегали автомобиль, иные, самые нетерпеливые, лезли прямо через него. К Владиду потянулись руки загребушие и зубы гниющие, в нос шибанула волна тошнотворного смрада. Визжа от ужаса, программист чудом увернулся от смертельных объятий и бросился бежать следом за князем. Тот вприпрыжку несся к ближайшему трехэтажному дому, явно нацеливаясь скрыться в подъезде. Это вначале не показалось Владиду умным, поскольку было бы ошибкой добровольно запирасть себя в замкнутом пространстве, но, обернувшись, он понял, что правитель Цитадели отнюдь не глуп. Это раньше, два года назад, от медлительных и вялых мертвецов можно было убежать. Но от нынешних проворных зомби не больно-то побегаешь. Владик несся, как на крыльях, и, тем не менее, орда нежити

все равно наступала ему на пятки.

Возле подъезда Владик догнал Цента. Оба вбежали внутрь, после чего князь попытался захлопнуть перед мертвецами тяжелую железную дверь. Не успел. Десятки тухлых пальцев вцепились в нее и потянули на себя. Та поддалась и распахнулась. Цент вскинул дробовик, и угостил недругов картечью, начисто снеся головы самым наглým вурдалакам.

– Беги наверх! – крикнул он Владику. – Посмотри, есть ли выход на крышу.

– А если его нет? – пискнул Владик.

– Если нет, то нам....

Вновь загрели выстрелы, и последнего слова Владик не расслышал. Но этого и не требовалось. Он и без подсказок прекрасно понимал, что ждет их двоих, если из подъезда нет выхода на крышу.

Владик стрелой взлетел на третий этаж, и с огромной радостью увидел металлическую лестницу, ведущую к люку на крыше. Это был путь к спасению – выберись они на поверхность крыши, и там у них появится шанс. Но тут взгляд счастливого программиста уперся в амбарный замок, на который был заперт единственный путь к спасению. Владик вспомнил, что в фильмах о крутых парнях те самые крутые парни легко вскрывали подобные замки выстрелом из оружия. Не брось он свой автомат еще в машине, мог бы лично проверить, наврал ли в этом случае кинематограф, или нет.

Пока Владик метался под лестницей, к нему присоеди-

нился Цент. И не он один. Следом за князем кошмарной волной катилась орда мертвецов. Одно спасало – тупые зомби так торопились добраться до мяса, что образовали на лестничной площадке плотный затор. Это задержало их на какое-то время.

– Почему еще не на крыше? – сердито закричал Цент на своего слугу.

– Там заперто....

Князь вскинул дробовик и пальнул в замок. Тот шепнулся вниз, признав немереную крутость данного пацана.

Владик бросился к лестнице, но князь оттолкнул его, и заявил:

– Я первый!

Поднимался он не слишком быстро, явно не торопился. А зомби уже бежали по лестнице, уже готовы были наброситься на добычу. Лишь в последний момент Владик успел ускользнуть от них.

Едва он оказался на крыше, как Цент вытащил из кармана последнюю гранату, вырвал зубами кольцо и бросил подарок вниз.

– Угощаю! – крикнул он, отбегая от люка. – Не обляпайтесь!

Снизу гроыхнуло, сквозь люк наружу выбросило клуб дыма и пыли. Когда князь и его верный слуга рискнули глянуть внутрь, они обнаружили, что лестницу, ведущую на крышу, оторвало взрывом, и она упала вниз, прямо на кучу

тухлой человечины.

Мертвецы набежали снова, стали прыгать, пытаясь ухватиться за край люка, но высота была слишком велика. Стало ясно – зомби не сумеют пробраться на крышу. По крайней мере, этим путем.

Отойдя от люка, Цент бросил на гудрон дробовик, и стал выгребать из карманов оставшиеся боеприпасы. Владик стоял рядом, бледный и ароматный. Страдальца колотило, как током стукнутого. Только сейчас он осознал, как близок был к страшной гибели. А следом понял, что опасность отнюдь не миновала. Они спаслись, но спаслись временно. Пусть зомби не доберутся до них на крыше, но и с нее никуда не выпустят. А уж держать осаду мертвецы умеют.

– За что не люблю технику и людей, так это за то, что подводят в самый ответственный момент, – признался Цент, пересчитав боеприпасы. Осталось двадцать патронов для дробовика, плюс один пистолет с одной полной обоймой. Плюс волшебная секира. Итого негусто.

– Очкарик, где твой ствол?

– Я его в машине забыл, – пискнул Владик.

Князь, вопреки ожиданиям, не стал бранить слугу за проявленную халатность. Вместо этого он испустил тяжкий вздох и произнес:

– А потом удивляешься, что оказался землекопом. Какое еще дело тебе можно доверить?

– Я просто испугался....

– Тем лох и отличается от конкретного пацана. Лох подчиняется страху, а конкретный пацан дерзко бросает ему вызов. Была у меня мысль порекомендовать тебя на ответственную должность, но теперь вижу – нет, нельзя. И сам все дело провалишь, и меня осрамишь. Быть тебе крестьянином до конца дней твоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.